

Мастера Времени

18+

Джо Р. Лансдейл

ДОРОГА МЕРТВЕЦА
РУКАМИ ГНЕВА

Мастера ужасов

Джо Р. Лансдейл

Дорога мертвеца. Руками гнева

«Издательство АСТ»

1989, 2009

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Лансдейл Д.

Дорога мертвеца. Руками гнева / Д. Лансдейл — «Издательство АСТ», 1989, 2009 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-119802-2

На Диком Западе никогда не было героя, похожего на преподобного Джебидайю Мерсера, сурового стрелка с Библией в одной руке и кольцом – в другой. Он сражается с нечистью, ведь в его мире шаман из мести проклинает целый город, насылая на него практически непобедимую армию нежити, женщина попадает в город-призрак после нападения оборотней, а на шахтерское поселение нападают кобольды. «Дорога мертвеца» – это настоящая поездка в преисподнюю, в которой вестерн встречается с хоррором и оживают самые страшные кошмары. «Руками гнева» – это легендарная книга, которая вошла в список «Хоррор: 100 лучших книг», созданный под руководством Стивена Джонса и Кима Ньюмана. Здесь в ночных небесах обитает хищная акула, новый сорт изысканных роз питается человеческой плотью, а обыкновенная семья устраивает пикник рядом с древним камнем, который излучает безумие. Убийцы и маньяки, зомби и древние демоны – все это в одном из самых ярких сборников в истории американского экстремального хоррора.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-119802-2

© Лансдейл Д., 1989, 2009

© Издательство АСТ, 1989, 2009

Содержание

Дорога мертвеца	7
Посвящение	7
Преподобный снова в седле	8
Смерть на Западе	11
Пролог	11
Часть 1	13
Глава первая	13
Глава вторая	23
Глава третья	28
Часть 2	34
Глава четвертая	34
Глава пятая	46
Глава шестая	51
Глава седьмая	56
Часть 3	58
Глава восьмая	59
Глава девятая	64
Глава десятая	71
Дорога Мертвеца	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Джо Р. Лансдейл

Дорога мертвеца. Руками гнева

DEADMAN'S ROAD © 2009 by Joe R. Lansdale

BY BIZARRE HANDS © 1989 by Joe R. Lansdale

© Сергей Чередов, перевод, 2021

© Мария Акимова, перевод, 2021

© Григорий Шокин, перевод, 2021

© Сергей Карпов, перевод, 2021

© Ирина Савельева, перевод, 2021

© Валерия Евдокимова, иллюстрация, 2021

© Ольга Зимина, иллюстрация, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Дорога мертвеца

Посвящение

Первоначальная версия повести «Смерть на Западе» была опубликована в 10–13 выпусках сборника «Загробные истории» – как дань бульварным изданиям, в частности Weird Tales. Настоящая, значительно переработанная, версия – дань памяти не только бульварным журналам, но и комиксам, особенно скандально известной серии ЕС и ранним выпускам «Джоны Хекса», а более всего – фильмам ужасов категории Б, вроде «Проклятия мертвецов», «Билли Кид против Дракулы», «Джесси Джеймс встречает дочь Франкенштейна» и прочим.

Первая версия повести «Смерть на Западе» посвящалась Элу Маначино. Эту я посвящаю своему брату, Джону Лансдейлу, который не раз помог мне советом. Многие были к месту, другие, да простит он, – не очень.

В общем, Джон, это твоя книга. Надеюсь, она тебе понравится.

*Настал час распротиться с телом,
созданным из плоти и крови.*

Ибо суть его мимолетна и эфемерна.

Тибетская Книга мертвых

*И не в силах были мы удержать Лазаря, кой содрогнулся и
облаченный знаменами погибели немедля отправился прочь; и сама
земля, принявшая мертвое тело его, теперь вернула его живым.*

Никодим, стих 15:18 (Утерянная книга Библии)

*От упырей и привидений,
От длинноногих порождений,
Что бродят ночью меж селений,
Избави нас, Господи.*

Старинная шотландская молитва

Преподобный снова в седле

В детстве мне нравились комиксы и фильмы, но еще больше я любил читать и пересказывать книги. Со временем литература поглотила меня целиком, но я не забыл о детских увлечениях, сохранил любовь к комиксам и фильмам. Их влияние особенно заметно в моем раннем творчестве.

Комиксы покорили меня по причине полного пренебрежения жанром. Содержание могло быть любым: вестерны мешались с научной фантастикой, фэнтези с хоррором и даже с любовным романом. И, конечно, история, пусть и в сомнительном свете.

В общем, смешение жанров было главным достоинством. Я любил комиксы за пестроту и яркость.

Что касается фильмов, я смотрел их все. Мюзиклы, мелодрамы, детективы, драмы, комедии. Но первенство оставалось за фильмами с привязкой к фантастике. Я был в восторге от фильмов ужасов студии «Юниверсал», не гнушаясь, впрочем, низкопробных поделок в духе Роджера Кормана.

Вся эта круговерть накрепко засела у меня в голове.

Пожалуй, самыми популярными в то время были вестерны. Удивительно, почему теперь их так мало. Телевизор был напичкан вестернами, как муравьями на сладкой патоке. Среди лучших были «Дымок из ствола», «Мэйврик», «Берем пушки – и в путь», «Сыромятная плеть», «Обоз», «Взять живым или мертвым» (со Стивом Маккуином), «Бонанза» и «Человек с Запада» (кажется, он назывался так – тот, что снял Сэм Пекинпа, с блестящим и незаслуженно забытым Брайаном Кифом). Из прочих, тоже весьма достойных, стоит вспомнить «Шайенна», «Сахарную Ногу», «Виргинца» и «Бронко» – то, что сразу приходит на ум из множества сериалов, которыми я засматривался. Еще был «Законник», сценарий для которого написал великий Ричард Мэтисон; «Ларами», «Истории техасских рейнджеров» и так далее. Понятно, к чему я веду, – вестернов в шестидесятые хватало.

Впоследствии появились великолепные эксцентричные вестерны, например, сериал «Дикий, дикий Запад» – в общем, шуточный, но захватывающий и вдумчивый. Диковинные вестерны, если угодно. Я был завзятым любителем жанра, но тут попало нечто уникальное. Вместе с любимыми фильмами ужасов они засели в подсознании, чтобы дожидаться своего часа.

Вестерны были и на большом экране, категории А и категории Б. Я пересмотрел их несметное число, ведь тогда не возбранялось пойти на субботний детский сеанс и потом остаться на следующие два фильма. Бывало, я целый день просиживал в кинотеатре. И нередко получалось, что все три фильма, которые я посмотрел, были вестернами. Тогда после проката ждать появления фильма по телевизору приходилось долго. Сейчас они появляются на экране почти одновременно с выходом видеодисков и всего через несколько недель после премьеры в кино. Сложно к этому привыкнуть.

В то время нам приходилось ждать.

Как вышло с одним вестерном под названием «Проклятие мертвецов».

В кино я его пропустил. Потом увидел в одной вечерней телепрограмме, и сюжет меня потряс. Вампир на Диком Западе.

О да!

Я пересматривал его раз за разом, и со временем очарование стерлось. Спецэффекты оставляли желать лучшего и портили впечатление. И в целом фильм нельзя было назвать шедевром. Зато в главной роли там снялся актер из сериала «Сыромятная плеть», и вампир в его исполнении был по-настоящему жутким. Хотя в нем было много от человека. Он пускал в ход и зубы, и револьвер, и вдобавок был влюблен. Фильм засел у меня в голове как заноза.

Были и другие диковинные вестерны, вроде «Джесси Джеймс встречает дочь Франкенштейна» или «Билли Кид против Дракулы».

Из комиксов я читал «Джону Хекса». Пусть не настолько навороченные, как мне потом вспоминалось, они точно были необычными, со странным героем.

Все мои пристрастия накапливались. Они крутились в темных закутках мозга, как крутится ухвативший добычу аллигатор, чтобы затянуть ее под воду.

Крутились без остановки.

И вот однажды, в конце семидесятых, я вновь увидел по телевизору «Проклятие живых мертвецов» и подумал: «Круто, но я мог бы сделать и лучше». Так родился замысел диковинного вестерна по моему сценарию.

Оставалась проблема: как найти на него покупателя. Ладно бы я написал хоть один, но я даже не имел представления, что это и как делается. Мне еще предстояло продать свой первый роман.

Когда накатил 1980-й, я сочинил роман под названием «Акт Любви»; написал пятьдесят страниц другого романа, впоследствии озаглавленного «Пронзающие ночь» (изначально он назывался «Ночь гоблинов»), и за пятнадцать дней написал «Смерть на Западе» – тот самый диковинный вестерн. Идеей для него стал фильм, который я хотел бы создать и увидеть. Он вышел по частям в нескольких выпусках Eldritch Tales.

Потом заговорили о возможности экранизации, и я за один присест написал полный сценарий, притом что так и не видел ни одного. Просто сел и переделал журнальную версию в сценарий.

Получилось неплохо.

Фильм так и не был снят, но сценарий отметили, что побудило меня заняться переработкой сценария в настоящую книгу, которая несколько отличается от первоначальной, «бульварной», версии. Я немного подправил сценарий, с течением времени он превратился в нечто вроде романа. Первый вариант вышел в издательстве «Пространство и время» с редакторскими правками – тьмой двоеточий и кое-где мое «сказал» поменяли на «пробормотал», «ответил» и так далее.

Я совсем не против двоеточий. Бывает, сам их использую. Но в тот раз с ними переборщили. Где смог, я их убрал, но время поджимало, поэтому значительное число осталось, вместе с парой «пробормотал». Редактора я не виню. Только себя. Плохо старался.

Никто не сможет прорычать или пробурчать фразу – попробуйте сами. Можно буркнуть или рыкнуть, даже, если на то пошло, пробормотать, но в целом так не годится. Это отвлекает от чтения. Не выношу, когда готовишь себя к тому, чтобы увидеть новую замену слову «сказал».

Он заметил.

Он ответил.

Он пробормотал.

Он рывкнул.

Он пробурчал.

Он приказал.

Он пропердел. (*Шутка.*)

И дальше в том же духе.

Еще хуже, когда простое и ясное «сказал» подменяют ярлыками вроде:

Он ответил с воодушевлением.

Он заявил со всей прямоотой.

Он громко выдохнул.

Он негодующе проревел.

Р-р-р-р!

Да, я знаю. Такие приемы используют многие писатели, но не давите на мою любимую мозоль. Время от времени я могу смириться, но все равно ловлю себя на том, как промурлыкать, прокурлыкать, прореветь или извергнуть (последнее, правда, жесть) какую-то фразу. Получается черт-те что.

Когда автор пишет: «Она отозвалась с воодушевлением», – это литературный хлам. О воодушевлении героини должен говорить характер персонажей и сама сцена, а не ярлык в конце предложения. Потрудитесь соответствовать.

Ладно. Я поправил. Но если даже что-то упустил, проявите благосклонность. Я очень старался, чтобы книга сохранила первозданный вид: правки здесь минимальны, без переписывания заново.

Как бы там ни было, читается гладко и увлекательно, чем я горжусь.

Тираж был маленький, однако внимание привлек, и за прошедшие годы ко мне неоднократно обращались с предложением об экранизации. В итоге один французский продюсер приобрел его за хорошие деньги, но... фильм так и не сняли. Так что права на сценарий по-прежнему у меня.

Весьма прискорбно. Фильм был бы замечательный.

Ну, хоть книга удалась.

С течением времени меня не раз пытались раззадорить еще на одну книгу о Преподобном, но в ту пору достойный замысел не родился.

Лишь недавно появились мысли написать короткие рассказы о новых похождениях Преподобного – после событий, описанных в романе. Там он предстает более мрачным, циничным и расчетливым, чем прежде. Впрочем, в последнем рассказе под названием «Темные недра», который публикуется впервые, проявится и более светлая сторона.

Теперь вы держите в руках полный комплект историй о Проповеднике с револьвером, его странствиях на Западе и борьбе со злом. Возможно, появятся и другие – мне хотелось бы свести его еще с одним моим персонажем, Богом Лезвий, но пока судить об этом рано.

И последнее. Пока сочинял пару последних историй, я забыл имя Преподобного и взял его из наскоро написанного вестерна «Ночные летуны Техаса». Сам не заметил, если бы не один рецензент. То имя, Рейнс, почему-то засело у меня в голове, и я использовал его вместо настоящего имени Преподобного Мерсера. Не знаю, отчего так вышло. «Смерть на Западе» во всех отношениях лучше, чем «Ночные летуны Техаса», и все же то имя прицепилось, и я неосознанно поменял их местами. Это примечание для тех, кто прочитал все рассказы, кроме последнего, и задался вопросом, были ли Рейнс и Мерсер одним персонажем, ведь их сходство налицо.

Ответ – да.

Путаница вышла только с именами, и теперь, чтобы оправдать невинных или виновных, я снова поменял их местами. Так, как было задумано.

Надеюсь, чтение доставит вам столько же удовольствия, сколько я получил, занимаясь сочинительством. Эти истории – возврат к «бульварщине» и написаны для развлечения. Это не Книга Великих мыслей, а собрание старомодных, стремительных, захватывающих и брутальных сказаний.

Коль скоро вы читаете, – надеюсь, это именно то, что вы искали.

И, кто знает, возможно, приключения Преподобного продолжатся.

Мне хотелось бы верить.

Но – хватит!

Наслаждайтесь – и, как говаривали Рой Роджерс и Дэйл Иванс: «В добрый путь!»

Джо Р. Лансдейл (собственноручно)

Смерть на Западе

Пролог

I

Ночь. Узкая лесная дорога сворачивает влево, за частокол темных сосен. Проплывающие облака временами закрывают свет луны. Голос издалека доносится все яснее.

– Вы, проклятые, трусливые, длинноухие, бестолковые подоби́я мулов. Живей, упря́мая скотина.

Из-за поворота выкатил громыхающий дилижанс, с фонарями, напоминавшими громад-ных светлячков, раскачивающимися по бокам кучерского сиденья. Ход дилижанса понемногу замедлился – и вот, под аккомпанемент проклятий, он замер посреди дороги, в окружении восточно-техасских сосен.

Кучер, Билл Нолан, обернулся единственным уцелевшим глазом к своему стрелку, Джейку Уилсону. Вторую глазницу, пробитую индейской стрелой, Нолану закрывала повязка.

– Ну, ради Христа, скорее, – сказал Нолан. – Мы опаздываем.

– Так не я заставил колесо слететь.

– На место ставить ты тоже не спешил. Давай уже, слезай и помочись.

Джейк спрыгнул с козел и направился в лес.

– Эй, куда поперся? – крикнул Нолан.

– С нами леди.

– Так тебе не в дилижансе ссать, чертов болван.

Джейк скрылся в чаще.

Из окна на правой стороне дилижанса высунулся щеголевато одетый юноша.

– Эй, мистер, – сказал юноша. – Следите за выражениями. С нами леди.

Нолан обернулся и наклонился, оглядывая юношу. – Это я уже слышал, – сказал Нолан. – Так вот, мистер Игрок Пустозвон. Та леди рядом с тобой, Лулу Макгилл, всю задницу тебе начисто вылизет за четыре монетки.

Игрок разинул было рот, но, прежде чем сообразил, что ответить, женская рука втащила его в дилижанс, и в окне появилась хорошенькая рыжеволосая головка Лулу.

– Черт тебя возьми, Билл Нолан, – сказала Лулу. – Ты прекрасно знаешь, что такого я никогда не делала, ни за какие четыре монетки. И сейчас я леди.

– Ну, куда там.

Лулу пропала из виду, и на ее месте вновь возникла голова игрока.

– И она не единственная женщина в дилижансе, – уточнил он.

Изнутри донесся визгливый голос Лулу:

– Так ты не признаешь, что я сейчас леди, скотина?

– Тут еще и девочка, – продолжал игрок. – И если бы она не спала, тебе давно пришлось бы иметь со мной дело, мистер. Слышишь?

Рука Нолана быстро метнулась вниз и вернулась, сжимая древний кольт «Уолкер». Он целился в игрока.

– Я тебя слышу, – сказал Нолан. – Но говори шепотом, ладно? А то как бы не разбудить девочку, чтобы выказать тебе свое геройство. Я ведь твою тупую башку на кусочки разнесу, а нам это вроде ни к чему. Полезай назад и заткнись!

Голова игрока мигом скрылась из виду.

Внутри дилижанса он взял с сиденья свой котелок и надел его ровнее, чем обычно.

Сидящая напротив миловидная брюнетка Милли Джонсон молча смотрела на него. Девочка Миньон спала, положив голову ей на колени. Лулу, по соседству, прямо кипела от злости.

Он бросил на нее косой взгляд. От гнева ее лицо стало в один тон с волосами.

– Ну, ты у нас крутой, – сказала Лулу.

Игрок устался себе под ноги.

Нолан спрятал кольт и засунул в рот сигару. Достав часы-луковицу, он щелчком открыл их. Чиркнул спичкой и посмотрел время. Вздохнув, убрал часы и глянул в направлении, куда удалился Джейк.

Там было тихо.

– Что бы ему не поссать на воле, как нормальному мужику, – сказал Нолан.

И закурил сигару.

Джейк стряхнул росу со своего бутона и стал застегивать штаны.

Развернувшись назад к дилижансу, он увидел свисающую с соседнего дерева веревку. Прежде ее вроде не было, но сейчас веревка отчетливо проступала в ярком лунном свете. Джейк шагнул ближе и потянул. Это была умело завязанная петля висельника. Кто-то здесь болтался, и, судя по крови на петле, подсохшей, но не запекшейся, совсем недавно. Может, вчера или прошлой ночью.

Он скользнул рукой по веревке и почувствовал жжение в ладони.

– Ах-х-х.

Отдернув руку, он пососал ранку.

Едва Джейк отступил в сторону, нечто вроде громадного паука скакнуло на веревку с соседней ветки и спустилось туда, где кровь впиталась в пенёк. Паучье отродье жадно присосалось к свежему пятну. Оно стало меняться. Раздувшись, свалилось с веревки, свернулось на земле клубком – и вновь изменилось. Когда трансформации завершились, оно быстро метнулось в лес.

Джейк ничего не заметил. Он продолжал идти, и, когда просвет уже замаячил в нескольких шагах и он практически вынырнул из леса на дорогу, выросшая как из-под земли тень заслонила ему дорогу.

Джейк раскрыл рот, чтобы крикнуть, но не успел.

Нолан зевнул.

Черт. Он едва не заснул. Или заснул.

Он отшвырнул потухший окуроч, достал новую сигару и спички. Вытащил часы-луковицу, чиркнул спичку и поднес ее к циферблату посмотреть время.

Громадная ручища с ногтями, напоминавшими когти, схватила его, потушив спичку и раздавив часы и пальцы Нолана. Хруст исковерканных часов и пальцев был очень громким, а короткий вопль Нолана еще громче.

Потом настала очередь пассажиров.

II

После, в самую глухую ночную пору, когда луна целиком скрылась за темными облаками, а звезды подернулись слепой пеленой, запоздалый дилижанс из Сильвертона прикатил в Мад-Крик с кучером, закутанным в пончо и в глубоко надвинутой шляпе.

Ни один пассажир не вышел из дилижанса. И его никто не встречал. Очевидцем прибытия, задержавшегося по меньшей мере на день, был лишь кучер.

Перепуганные лошади храпели и вращали глазами. Кучер освободил заржавленный тормозной рычаг и отпустил поводья, коснувшиеся земли легко, как пыль.

Он прошел к задней части дилижанса и открыл крышку багажного отделения. Длинный деревянный ларь углом выступал наружу. Кучер легко подхватил его на плечо. И, будто ларь весил не больше вязанки хвороста, бегом припустил вдоль улицы к конюшне. Маленькие, быстро опадающие песчаные вихри клубились за его сапогами.

Скрипнули и умолкли дверные петли. Тишину нарушали только фыркание запряженных в дилижанс лошадей и далекие раскаты грома за чернеющими лесистыми просторами Восточного Техаса.

Часть 1 Преподобный

И он не знает, что мертвецы там...
Книга Притчей Соломоновых, 9:18

Глава первая

(1)

Всадник спустился с предгорий: высокий, тощий проповедник в запыленной одежде, на буланой кобыле с гноящейся от долгой скачки и трения о седло спиной.

И человек, и лошадь по виду с трудом держались на ногах.

Всадник был в черном с ног до головы, за исключением пропыленной белой рубашки и блестящего серебристого военно-морского кольта 36-го калибра за черным кушаком. Как у многих, несущих слово Божие, его лицо было суровым и бесстрастным. Но за обликом сквозило нечто, едва ли подобающее служителю Господню. У него были холодные голубые глаза убийцы – глаза того, кому случалось хорошо разглядеть слона вблизи.

На свой лад он и был убийцей. Многие пали от грома его 36-го, и последнее, что им доводилось видеть, – темный густой дым из жерла сверкающего револьвера.

По убеждению Преподобного, каждый из них заслужил удар карающего меча, и то было по воле Божьей. А он, Джебидайя Мерсер, избран разящей дланью Господней. Или так, по крайней мере, выходило.

Джеб часто обращался к своей пастве так:

«Братия, я искореняю грех. Я праведная рука Господа нашего, и я искореняю грех». Иногда ему случалось усомниться в своей праведности. Но, взяв надежное правило гнать ненужные мысли, он заглушал их собственным пониманием Божьего промысла.

Едва занимался день, а Джеб уже медленно, утомленно держал путь в сторону Мад-Крика. Утро вспорхнуло дыханием прохладного ветра и симфонией птичьих голосов.

С вздымавшегося над городом бархатно-зеленого взгорья Джеб, точно святой столпник, глянул вниз – на простые дощатые строения, обрамленные густым лесом.

И перекаати-полем закатилась привычная мысль: чертовски прекрасные уголья Восточного Техаса, долгожданный дом.

Надвинув на глаза широкополую шляпу, Преподобный направил буланую вниз, к Мад-Крику, ниве для семян его священной миссии.

(2)

Он въехал в город неторопливо, скорее как настороженный стрелок, чем праведный вестник Божий. Подъехав к конюшне, он спешился и оглядел вывеску, гласившую: «КОНЮШНЯ И КУЗНЯ ДЖО БОБА РАЙНА».

– Чего надо?

Отведя взгляд от вывески, он узрел перед собой голого по пояс паренька в мятой шляпе и вытянутых подтяжках, едва удерживающих шерстяные штаны. Вид у паренька был скучающе-угрюмый. – Если не слишком тебя побеспокою, то хотел бы почистить лошадь.

– Шесть монет. Вперед.

– Я прошу почистить, а не вымыть с мылом, мелкий ты жулик.

– Шесть монет, – протянул руку паренек.

Преподобный залез в карман и шлепком поместил монеты в протянутую ладонь.

– Как тебя звать, сынок? Чтобы знать наперед, кого здесь сторониться.

– Дэвид.

– По крайней мере, прекрасное библейское имя.

– Хрена прекрасное.

– *Вовсе не прекрасное.*

– Черт, я так и сказал. А ты тут не по делу распинаешься.

– Я тебя только поправил. Говорить «хрена» не годится. Следует говорить «вовсе».

– Ну, ты и загнул.

– Как раз наоборот.

– По мне, ты вроде как проповедник, если бы не револьвер.

– Я и есть проповедник, мальчик. И зовусь Джебидайя Мерсер. Для тебя – Преподобный Мерсер. И, надеюсь, ты найдешь время почистить мою лошадь к завтрашнему дню?

Не успел паренек ответить, как в дверях конюшни появился здоровяк в широких штанах и кожаном фартуке, с застывшей на лице недоброжелательной миной. При его приближении паренек заметно напрягся.

– Что, мистер, малый заболтал вас до смерти? – сказал здоровяк.

– Мы договаривались о том, чтобы почистить мою лошадь. А вы, верно, хозяин?

– Точно. Джо Боб Райн. Так он запросил с вас, как положено, две монеты?

– Цена меня устроила.

Дэвид судорожно сглотнул и пристально посмотрел на Преподобного.

– Малый вроде своей мамаше, – сказал Джо Боб. – Мечтатель. Уважение приходится в него вколачивать. Не иначе, таким уродился. – Он повернулся к Дэvidу. – Живо, малый. Займись лошадыю.

– Слушаю, сэр, – сказал Дэвид. И Преподобному: – Как ее зовут?

– Я просто зову ее лошадыю. Не забудь, у нее разбита спина под седлом.

– Да, сэр, – ухмыльнулся Дэвид. И взялся расседлывать.

– Я хотел бы поместить ее у вас на время, – обратился Преподобный к Райну. – Это удобно?

– Расплатитесь, когда будете забирать.

Дэвид протянул Преподобному седельные сумки. – Подумал, вам пригодятся.

– Спасибо.

Дэвид кивнул, взял под уздцы лошадь и ушел.

– Где у вас лучше остановиться? – спросил Преподобный.

– А тут всего одно место, – указал вдоль улицы Райн. – Отель «Монтклер».

Преподобный кивнул, забросил на плечо сумки и зашагал в указанном направлении.

(3)

Потрепанное непогодой здание было украшено вывеской «ОТЕЛЬ МОНТКЛЕР». Шесть двойных окон с темно-синими занавесками выходили на улицу. Все они были открыты, утренний ветерок шелестел занавесками.

Уже начинало припекать. В августе в Восточном Техасе жара как у суки в течку – липкая, словно черная патока, и краткое облегчение дают только предрассветные часы да редкий ночной ветерок.

Достав пыльный носовой платок из внутреннего кармана сюртука, Преподобный вытер лицо, а потом, сняв шляпу, вытер черные густые, маслянистые волосы. Закончив, убрал платок, надел шляпу, размял затекшую от долгой скачки спину и зашел в отель.

За приемной стойкой прикорнул мужчина с брюхом, как у загнанной лошади. Пот каплями усеивал его лицо и сползал пыльными ручейками. Жужжащая муха попыталась приземлиться ему на нос, но не удержалась. Сделав повторный круг, она смогла отыскать насест на лбу толстяка.

Преподобный опустил ладонь на кнопку звонка.

Спящий вздрогнул и очнулся от дремоты, отмахнулся от надоедливой мухи. Он облизал потные губы.

– Джек Монтклер к вашим услугам, – сказал он.

– Мне нужен номер.

– Номера – наш бизнес. – Он развернул к постояльцу регистрационную книгу. – Только соблаговолите записаться.

Пока Преподобный осуществлял необходимую процедуру, Монтклер продолжал:

– Разморило меня. Жара... Э, шесть монет за ночь, чистое белье раз в три дня... Если задержитесь на столько.

– Я пробуду не меньше трех дней. Еда за отдельную плату?

– Так и было бы, но я не готовлю. Поест можно в кафе. – С надеждой на обратное: – Поклажа?

Преподобный хлопнул по своим сумкам и отсчитал шесть монет на ладонь Монтклера.

– Премного благодарен, – сказал Монтклер. – Номер 13, вверх по лестнице и налево.

Приятного отдыха.

Монтклер развернул к себе регистрационную книгу и, шевеля губами, прочел запись.

– Преподобный Джебидайя Мерсер?

Преподобный обернулся:

– Да?

– Вы проповедник?

– Вот именно.

– Прежде не видал проповедника с револьвером.

– Теперь увидели.

– То есть человек, несущий мир и слово Божие, и...

– Разве было кем-то указано, что блюсти закон Господа надлежит лишь миролюбивым?

Дьявол приступает с мечом, и мечом же я отражаю его. Такова воля Господа, и я – его слуга.

– Без сомнения, но...

– Сомнения тут неуместны.

Монтклер заглянул в холодные голубые глаза под покрасневшими веками и содрогнулся.

– Да, сэр. И в мыслях не было соваться не в свое дело.

– Это вряд ли удалось бы.

Преподобный направился вверх по лестнице, Монтклер проводил его взглядом.

– Лицемерный ублюдок, – беззвучно прошептал он.

(4)

Наверху, в номере 13, Преподобный присел на продавленную кровать. Здесь рассчитывать на удобства не приходилось. Поднявшись, он прошел к умывальнику, снял шляпу, сполоснул лицо, затем вымыл руки. К рукам он был особенно придиричив, точно смывал одному ему видимые пятна. Тщательно вытерся и подошел к окну.

Раздвинув занавески, он оглядел улицу и ближайшие строения. Из кузни Райна долетал стук молотка, внизу скрипела несмазанными осями телега. Издалека, с окраины городка, едва слышный, доносился гомон цыплят и коров. Привычная деревенская идиллия.

Гул голосов на улице усиливался по мере появления все новых жителей.

Упряжка мулов проследовала по улице в сопровождении хозяина, направляясь в поля.

При виде мулов мысли Преподобного перенеслись на двадцать лет назад, когда он был сорванцом вроде Дэвида с конюшни Райна. Пареньком в комбинезоне, плетущимся за отцом-священником и упряжкой мулов, прокладывающих узкую борозду в большой мир.

Преподобный бросил на кровать седельные сумки. Снял сюртук, вытряхнул пыль и повесил на спинку стула. Присев на край кровати, он раскрыл одну сумку и достал обмотанный тканью сверток.

Распаковав бутылку виски, он положил пробку и ткань на стул. Затем вытянулся на кровати, подложив под голову подушку. Он принялся понемногу цедить виски и тут заметил на потолке паука. Тот пересекал комнату по белоснежной нити, соединявшейся в дальнем углу с другими, что сплетались в головоломную паутину мифических судеб.

Мускул на его правой щеке дрогнул.

Он перехватил бутылку левой рукой, правая – считай, помимо его воли, – молниеносно выхватила револьвер – и посланная пуля отправила паука в небытие.

(5)

Монтклер барабанил в дверь.

Штукатурка с потолка дождем осыпала бесстрастное лицо Преподобного.

Он поднялся и отворил дверь, убирая назад револьвер.

– Преподобный, вы целы? – спросил Монтклер.

Преподобный оперся о дверной косяк.

– Паук. Сатанинское порождение. Не выношу их.

– Паук? Подстрелили паука?

Преподобный кивнул.

Монтклер пододвинулся, заглядывая внутрь. Сквозь щель в занавесках солнце выстреливало лучи, и в них кружились оседающие частички штукатурки. Они походили на мелкий снег. Он перевел взгляд на дыру в потолке, которую обрамляли паучьи лапки. Пуля угодила в центр туловища здорового паука, а лапки остались приклеенными к потолку.

Прежде чем убрать голову, Монтклер успел заметить бутылку с виски рядом с кроватью.

– Попали в него, значит, – сказал Монтклер.

– Точно между глаз.

– Ну, вот что. Проповедник вы или нет, стрелять в моем отеле постояльцам не дозволено.

У меня тут приличное заведение...

– Это сортир, о чем вы прекрасно знаете. Надо бы приплатить мне, раз я тут остановился.

Монтклер собрался было ответить, но, взглянув в лицо Преподобному, передумал.

Засунув руку в карман, Преподобный вытащил стопку смятых купюр.

– Доллар за паука. Пять за дыру.

– Но, сэр, не уверен...

– Очень приличный приз за паука, Монтклер, а мокнуть от дождя сквозь дыру моей голове.

– Верно, – сказал Монтклер, – но я содержу приличный отель, и полагается компенсация за... – Бери или проваливай, болтун.

Приняв вид оскорбленный, но не слишком, Монтклер протянул руку. Преподобный отсчитал обещанную сумму.

– Полагаю, Преподобный, это справедливо. Но не забывайте, вместе с жильем постоянно платят за тишину и покой.

Преподобный отступил в комнату и взялся за дверь.

– Так дайте нам немного тишины и покоя. – И захлопнул дверь перед носом Монтклера.

Монтклер направился вниз, раздумывая о лучшем применении для полученных денег, чем ремонт потолка в номере 13.

(6)

Паук встретил гибель как воплощение его нескончаемого кошмара. Сон был настолько жутким, что он ненавидел время, когда солнце опускалось за горизонт и умирало во мраке, подпуская ночное забытие.

Там ждали обрывки исковерканных воспоминаний, призраками пронесившиеся в глубинах его сознания. И самые жуткие были связаны с пауком – вернее, тварью в паучьем обличье. Тварь символизировала нечто – словно его пытались предупредить.

Уже год, как длился этот сон, и с каждым разом тьма давила мучительнее. Казалось, сон движет им и направляет к участи, которая ему предначертана. Или то были тени умирающей веры, готовые снова сплотиться в единую ложь?

Если в них что и таилось, от небес или преисподней, он до мозга костей чувствовал, что разгадка поджидала здесь. В Мад-Крике.

Он не знал причин. Бог, как видно, давно отвернулся от него. Если это его последний бой, то в решающий миг Бога не окажется рядом.

Лучше было об этом не думать. Он отхлебнул немного виски.

Взгляд его уперся в потолок.

– Почему ты меня оставил?

Минуту длилась тишина, затем его губы растянулись в мрачной ухмылке. Салютуя, он поднял бутыль.

– Этого ответа я и ждал.

И надолго приложился к своему жидкому аду.

(7)

Неторопливо, размеренно, истощая содержимое по мере того, как медленно угасало солнце, Преподобный прикладывался к бутылки, держа путь к темному берегу, где предстояло сесть в темную лодку из сна, выплывавшую каждый раз, стоило ему сомкнуть веки.

Бутыль опустела.

Покачнувшись, Преподобный сел в кровати, протянув руку к сумкам за следующей платой за переправу. Он взял другую бутыль, развязал ткань, выплюнул пробку и лег обратно. После трех глотков рука упала на край постели, и бутыль, выскользнув из пальцев, встала на полу – на краю горлышка застыли несколько капель.

Занавески в открытом окне колыхались, как распухшие синие языки.

Ветер был пропитан холодной дождевой сыростью. Пророкотал гром.
Преподобный погрузился в кошмар.

Лодка ждала, и Преподобный сел в нее. Под капюшоном черного плаща лодочника на миг мелькнул череп с пустыми глазницами. Забрав плату в шесть монет, лодочник шестом оттолкнулся от берега. Речная вода была темнее поноса Сатаны. Изредка на поверхность, как пробковые поплавки, всплывали белые лица с мертвыми глазами и, покачнувшись, уходили в черную глубину, не оставляя кругов. По реке из дерьма, без руля и ветрил.

С помощью шеста лодочник двигался все дальше по своеобразному Стиксу с берегами Восточного Техаса, и там, как живые картины, Преподобному представляли сцены из его жизни.

В них не было ничего хорошего – только грязные помои, за исключением одной, одновременно благодати и проклятия.

Прямо на просторе, на всеобщем обозрении – в отличие от темной спальни его сестры, где все случилось, – они с сестрой совокуплялись, точно животные, сжимая друг дружку в потных объятиях. В его воспоминаниях та ночь всегда оставалась сладкой, бархатисто-мягкой, полной страсти и любви. Здесь же была только бесстыдная похоть. Малопривлекательное зрелище.

Он попытался обратиться к новому эпизоду представления, но не мог отвести взгляд. Прежде чем лодка достаточно отплыла, на сцене материализовался его отец, застукал их и проклял обоих. Затем он – молодой, – прихватив штаны, сиганул (тогда это было окно) назад и в сторону и побежал по берегу, пока его силуэт не почернел и не распался на части, вроде осколков закопченного стекла.

Лодка плыла дальше.

Последний год Гражданской войны. Он – еще мальчишка, сражается за южан и терпит поражение, а в восемнадцать лет узнает смерть слишком близко.

Убитые им (в запятнанной кровью военной форме янки) вытянулись в шеренгу вдоль берега и печально махали вслед. Не будь так тягостно – смотрелось бы комично.

И еще: выстрел за выстрелом из дула его кольта – вначале капсюльного, позже модифицированного под цельный патрон, – выстрел за выстрелом, пока он не наловчился попадать в подброшенную монету и разрывать с торца игральные карты, стреляя через плечо и целясь в зеркало.

Те, кого он убил не на войне – одних, кто не оставил ему другого выбора, других за прегрешения перед Господом, – выстроились вдоль берега и с улыбкой, зачастую кровавой, взмахом руки посылали прощальный привет.

«Кто без греха, пусть первый бросит в меня камень».

Он не мог отвести взгляд и смотрел, как мертвецы удаляются в темноту.

По мере движения по реке возникали всё новые картины его жизни. Одно сплошное дерьмо.

Он обернулся к другому берегу, в надежде увидеть лучшее представление. Но там было то же самое.

Уплывай.

Наконец, прямо по курсу, над водной гладью стала вырастать худшая часть кошмара.

Сначала поверхность пробили паучьи ноги – целых десять мельтешащих ног, слишком много для подлинного членистоногого. Следом вынырнула раздутая округлая туша паукообразной твари. В огромных красных глазах угадывался темный жуткий разум.

Паук перекрыл всю реку, ногами упершись в берега.

Но лодочник не свернул, неуклонно двигался вперед.

Преподобный протянул руку к револьверу – там было пусто. Он был совсем голым, со сморщенным членом, перепуганный. Попытался крикнуть, но не вышло. Страх точно зашил ему рот.

Паук привел в трепет, и он не мог понять причины. Ладно, размер. Ладно, зловещие красные глаза. Он не раз стоял лицом к лицу с врагом, а то и с тремя – и всех отправил в ад, и никогда, ни на миг, не испытывал подлинного страха. До этих снов. (Боже, только бы это были сны!)

Преподобный понял, что не может оторваться от глаз паука. Они впитали все его грехи и слабости.

Лодка двигалась вперед.

Тварь разинула черную, обросшую шерстью пасть, куда лодка вплыла как в туннель, и, едва чернота и вонь поглотили нос лодки вместе с лодочником, Преподобный потерял из виду красные глаза. дальше его окружала тьма, свет за ним померк – и он очутился в аду...

Он проснулся, обливаясь потом.

Сел, задрожав от холода.

Молнии сверкали раз за разом. Яркие зигзаги были видны даже через плотные шторы, а когда порыв ветра их разметал – совсем отчетливо. Шторы хлопали и рвались к нему, как прибитые за хвост призраки. Дождь хлестал в окно, на постель и его сапоги. При вспышках молнии сапоги блестели мокрой змеиной кожей.

Он вывалился из постели, подцепил бутылку виски и надолго припал к ней. Не помогло. Привычная волна тепла не прошла по небу, не разлилась в животе. С тем же успехом он мог выпить подогретую солнцем воду.

Шагнул к окну, собираясь закрыть его. Но передумал.

Высунувшись, подставил лицо дождю и ветру, точно приглашая молнию ударить с небес и расколоть его голову как тыкву.

Молния не соблазнилась приманкой.

Дождь залепил мокрыми волосами лицо, смешался с потом и слезами, струйками потек на грудь и за воротник, где налипли пряди.

– Могу ли я быть прощен? – тихо спросил он. – Я любил ее. Всей душой и сердцем, как только может мужчина любить женщину. Мы не совокуплялись, как скотина на лугу. Это была любовь, сестра она или нет. Слышишь, ты, старый говнюк, это была любовь!

Внезапно он рассмеялся. Получился едва ли не шекспировский монолог или что-то в манере дурацких стихов Капитана Джека Кроуфорда.

Однако веселье длилось недолго.

Он вновь обратил лицо к небу, открыв глаза жалящим стрелам дождя.

– Ради любви Иисуса, Господи, прости немощ моей плоти. Испытай меня. Проверь. Я пойду на все ради твоего прощения.

Как и прежде, ответа не было.

Он улегся обратно, прихватив бутылку. Дождь пошел гуще, простыни слиплись от влаги. Ему было плевать.

Глоток за глотком, он вспоминал свою жизнь и как прожил ее. Все обернулось темной грязной ложью. Бога не было. Все его молитвы – только слова, порхавшие в воздухе, подобно дуновению амброзии.

Потянувшись, он достал Библию из кармана сюртука. Книга была изрядно потрепанной. Уже много лет как он охладел к ней. Молитвы стали для него куском хлеба, не более. И так длилось уже достаточно долго.

Он прилег, упираясь спиной в изголовье: бутылку в одной руке, Библия – в другой. Отхлебнул из бутылки.

– Вранье! – выкрикнул он и со всей силы запустил Библию в окно. – Получай, небесный говнюк!

Прицел был неточным. Библия не полетела в открытую створку, как он хотел, а угодила выше, и еще до звона разбитого стекла он знал, что придется покупать новое для жирного Монтклера.

Стекло разлетелось – и Библия многокрылой птицей выпорхнула в ночь. На его глазах она исчезла в темноте, но, когда он поднес бутылку виски к губам, вернулась назад, треща страницами, как голубь перед насестом. Угодила в бутылку, разбив ее, и добавила слепящий удар в лицо. Стекло раскололо подбородок, и закапала кровь.

Он сел, прямой как палка.

На его коленях лежала открытая Библия.

Капля крови упала с подбородка на левое поле Откровения, глава 22, стих 12.

Он прочел:

«Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его».

Вторая капля – на стих 14:

«Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами».

Преподобный осторожно закрыл книгу.

В горле запершило, точно там застрял шерстяной комочек. От него и его постели разило дождем вперемешку с виски и примесью сладкого запаха крови.

Он прочистил горло и упал на колени возле постели, молитвенно сложив руки.

– Да будет воля Твоя, Господи. Да будет воля Твоя. Не поднимаясь, он целый час читал молитвы, и впервые за долгий срок делал это с истовой верой. После он умылся, стряхнул с простыней осколки, разделся и лег, как должно.

Прежде чем забыться, он размышлял, удастся ли ему пройти испытание, что Господь уготовил ему здесь, в Мад-Крикке.

Как бы там ни было, он приложит для этого все старания.

Он уснул.

И спал без сновидений.

(8)

Когда солнце село и взамен в небе повис золотой дублон луны, затопившей окрестности Мад-Крика почти сверхъестественно ярким сиянием, ночные странники отправились в путь.

Конюшня выпустила постояльца: замок стек в грязь как растопленное масло, но упал на землю целым, а потом вернулся на место – с дужкой, защелкнутой в петлях.

На самой окраине городка, в доме Фергюсонов, умерла месячная девочка. Утром под общие стенания смерть приписали естественным причинам.

Пропало несколько дворовых собак, одна маленькая шавка отыскалась наутро с разорванным брюхом. Рана носила отметины волчьих зубов.

Ночью и вправду не раз доносился волчий вой. На слух зверь был не из мелких.

Час почти пробил.

(9)

Утром Преподобный почистил сюртук, взял из седельной сумки свежую рубашку и, поплевав на щетку, до блеска начистил сапоги.

На сей раз он не стал начинать день с глотка виски. Очень хотелось яичницы с беконом и чашку кофе. Он отправился завтракать к Молли Макгуайр.

В кафе царили шум и суета.

Подавальщицы сновали от кухни к столам и обратно, как муравьи от амбара к муравейнику, разнося оладьи, яичницу с беконом и дымящийся кофе.

С удобной позиции у входа Преподобный заметил, как один старикан сгреб подавальщицу за бедро. Та привычно отмахнулась, поставив перед ним тарелку и сохранив на лице радушную улыбку.

За столиком в углу блеснула шерифская звезда. Она красовалась на широкоплечем человеке среднего роста и уныло-благообразной внешности. Именно с ним он хотел повидаться.

Компанию шерифу составлял человек значительно старше, с виду затасканный, как индейские мокасины.

Рядом оказался свободный столик, и, поскольку оба были погружены в беседу и при этом оживленно жестикулировали, Преподобный обосновался там в надежде улучшить момент представиться.

Присев, он сразу наострил уши на разговор – по давно заведенной привычке это получалось само собой. Скитаясь по городам и готовясь к службе, он старался подслушивать разговоры вокруг. Иногда это позволяло снабдить проповедь адресным посланием кому-то из прихожан. Случись, скажем, подслушать похвальбу, как кто-то промаслил свой фитилек с чужой женой, он читал проповедь так, что бахвал задумывался, не доносит ли Бог о его грехах проповеднику.

Это было очень кстати, когда доходило до пожертвований. Из-за грехов, кипящих на поверхности (пусть ненадолго), кающиеся не жались, надеясь откупиться от Бога.

Прошедшей ночью Преподобный решил возобновить изначальный порядок для проповедей – нести слово Божие пастве. Он вернулся в лоно Господне – проповедовать ради нескольких монет на виски больше не входило в его планы.

Но не так просто избавляться от старых привычек.

– Ну, – обратился к шерифу пожилой собеседник, – ты, сдается, так ничего и не надывал?

– Ничего. Утром проехал по следу от дилижанса. Ни волоска, ни клочка кожи пассажиров... По мне, похоже на индейцев. Или грабителей.

– Чушь порешь, – сказал пожилой. – Мэтт, ты знаешь не хуже меня, никакой заварухи с индейцами здесь не было много лет. Кроме, может, того случая с индейским знахарем и его девкой – но мы это уладили.

– Это вы его вздернули. Меня там не было.

– Иуда тоже не прибывал Христа, – ухмыльнулся пожилой. – Хватит придуливаться, парень. Ты нам его выдал. Так что разницы никакой. И не в чем себя винить – это ж просто индеец, а девка была наполовину черномазой.

– Он был невиновен.

– Как сказал один лесоруб: индеец хорош, только когда он мертв. То же с черномазыми и всякими полукровками.

Преподобный заметил гримасу отвращения на лице Мэтта, но тот промолчал.

– Ладно, – продолжал пожилой, – это не индейцы, и уж точно не грабители. Сумки, говоришь, не тронуты?

– Говенные грабители, – кивнул Мэтт. – И утонченного воспитания. Сняли народ с дилижанса, куда-то запрятали, а сами не поленились подогнать дилижанс, поставить тормоз и бросить посреди чертовой улицы. Странно, что ленивые сучьи дети не удосужились покормить лошадей.

На время беседа прервалась, и Преподобный решил не упускать шанс. Он поднялся и шагнул к их столу.

– Прошу прощения, – обратился он к шерифу. – Мне бы с вами перемолвиться.

– Так говорите. Это Кaleb Лонг. Временами мой заместитель.

Преподобный кивнул Калебу, который разглядывал его, не скрывая усмешки.

Обернувшись к шерифу, он продолжил:

– Шериф, я слуга Господа. Путешествую из города в город, несу Его слово.

– И наполняю тарелку для пожертвований, – добавил Кaleb.

Преподобный посмотрел на Калеба. Принимая во внимание, что он долгое время именно так и поступал, причин гневаться не было.

– Да, признаю. Я слуга Господа, но, как и вы, должен есть. И, кроме проповеди, я несу еще кое-что – слово Господа нашего и вечное спасение.

– А сейчас намерены предложить мне тарелку? Не стоит утруждаться, Преподобный. Я готов купить лишь то, что можно потрогать.

– Вероятно, я склонен к излишнему усердию, когда речь заходит о промысле Божьем, – сказал Преподобный.

– Так кто ее завел? – сказал Кaleb.

– Прошу простить, Преподобный, – сказал Мэтт, – но могли бы мы разгрести навоз и перейти к сути? Чем могу быть полезен?

– Я хотел бы арендовать палатку и, с вашего позволения, провести ночь в молитве, пении псалмов и возврате заблудших душ к Иисусу. – Он покосился на Калеба. – И сборе пожертвований.

– Я не против, – сказал Мэтт. – Но проповедник у нас уже есть. Не думаю, что он будет в восторге от появления пришедшего толкователя. И, как мне помнится, он единственный в этих краях, у кого есть нужная вам палатка. В прошлом он тоже странствовал.

– Как надлежит, – сказал Преподобный.

– Ступайте по улице, – махнул в южную сторону Мэтт, – пока не дойдете до церкви. При ней живет преподобный Кэлхаун. Скажете, я не возражаю, при условии, что он согласен.

– Благодарю, – сказал Преподобный.

Кaleb встал и бросил на стол деньги за еду. Подняв ногу, он натужился и громко пёрнул.

На миг в кафе стало тихо. Все посетители уставились на него.

Громко, чтобы все могли слышать, Кaleb произнес:

– Не придавайте значения, ребята. Маманя не выучила меня хорошим манерам. – Он повернулся к Мэтту. – Пока. – И Преподобному: – Увидимся в церкви, проповедничек.

С чем и вышел.

– Необычное у вашего друга чувство юмора, – сказал Преподобный.

– Он слегка неотесан.

– Подходящее определение.

– Он старался вас смутить.

– И проявил завидное рвение.

– Он ненавидит проповедников. Когда он был ребенком, проповедник изнасиловал его мать.

– Ну, а вы? Тоже ненавидите проповедников?

– Вы истинный проводник слова Божьего?

– Перед вами.

– Тогда сделайте одолжение, помолитесь за меня. Похоже, мне это пригодится. – Мэтт встал из-за стола, оставил плату и вышел.

Оставшись один, Преподобный тихо сказал:

– Помолюсь.

(10)

Позавтракав, Преподобный расплатился и направился к выходу. В дверях он столкнулся с красивой брюнеткой. Вид ее ошеломил Преподобного – она точь-в-точь напомнила ему сестру,

какой та была бы сейчас. Он задержался на миг дольше, чем следует, прежде чем отступил в сторону.

Когда он посторонился, она улыбнулась, и Преподобный коснулся полей своей шляпы.

Следом вошел пожилой мужчина с пепельными волосами, в очках и взглядом, способным уложить бизона с пятидесяти шагов.

Мужчина взял даму под руку и проводил к столу. Когда они присели, он обернулся и взглянул на Преподобного, застывшего в дверях как истукан.

Преподобный поклонился и, когда дама улыбнулась снова, поспешил выйти.

По пути к церкви он почувствовал внезапное томление в животе. Ясно, эта женщина не его сестра. Очень похожа, но не она. Тем не менее от воспоминания желание шевельнулось в его чреслах.

Не испытание ли эта женщина, ниспосланное Богом? Если так, он не прогадал. От нее бросало в дрожь не меньше, чем от встречи с индейским гремучником.

Минуя конюшню, он заметил Дэвида, который чистил лошадь у ворот. Дэвид помахал ему. Преподобный ответил и продолжил путь, все еще удерживая в сознании возбуждающий образ.

Неслышно для Дэвида на сеновале конюшни заброшенный сеном деревянный ящик немного сдвинулся при появлении Преподобного, точно стрелка компаса, неуклонно смотрящая на север: там – Преподобный.

Глава вторая

(1)

В конце улицы, посередке, возвышалась большая белая церковь, с торчащим в небеса массивным белым крестом. Сбоку к ней прилепился домик с односкатной крышей и огороженным садиком, где, вооружившись тяпкой, яростно выкорчевывал сорняки преподобный Кэлхаун.

Джеб распознал того с первого взгляда. Как и у его отца, на лице Кэлхауна застыла маска фанатичного осуждения. В своем ничтожном садике он воевал с сорняками, точно сам Господь, искореняющий грешников.

Кэлхаун поднял голову и оперся на мотыгу, отер рукавом пот со лба. Попутно он оглядел Преподобного. Нахмурившись в силу привычки, облокотился на изгородь своего садика.

Преподобный сделал то же самое.

– Добрый день, сэр. Я преподобный Джебидай Мерсер. Пришел просить вас об услуге.

– Услуге?

– В которой один добрый христианин не может отказать другому.

– Это мы поглядим, – сказал Кэлхаун.

– От шерифа, при условии вашего согласия, я получил разрешение на одну ночь чтения псалмов, здесь, в Мад-Крике. Во избежание недоразумений, он хотел быть уверен, что вы не против, хотя какие могут быть недоразумения между нами, слугами Господа.

– Да ну? – сказал Кэлхаун.

Преподобный улыбнулся. Он редко делал так по своей воле, только когда преследовал некую цель. Сейчас он чувствовал, что его красноречие не слишком проняло этого старого пса.

– Он еще добавил, что у вас есть палатка, а мне бы она пригодилась. Я хотел бы взять ее в аренду для проповеди.

– А я пока не давал разрешения здесь проповедовать. Ведь вы сказали, что шериф настаивал на моем разрешении, верно?

- Разумеется. Кстати, я готов хорошо заплатить за палатку.
- И сколько?
- Назначьте цену.
- Шесть монет.
- Расхожая цена, – сказал Преподобный. Он полез в карман за деньгами.
- Вечер для проповеди выберу я.
- Не хочу мешать заведенному вами порядку. Выбирайте.
- Отлично. В субботу.
- Преподобный удержал руку с деньгами.
- В субботу? Однако, преподобный Кэлхаун, при всем уважении, это худшая ночь для проповеди. Все отправятся в салун.
- Соглашайтесь или проваливайте, мистер Мерсер.
- Преподобный Мерсер.
- Так что?
- Согласен. – Поморщившись, он вложил монеты в протянутую ладонь. Кэлхаун пересчитал их и сложил в карман штанов.
- А вы точно проповедник? – спросил он.
- Не похож?
- Проповедник не носит оружия. Вряд ли оно подобает Божьему промыслу, мистер Мерсер.
- Преподобный Мерсер.
- Довольно необычно видеть человека при револьвере, вроде обычного стрелка, который якобы служит Божий.
- Кто сказал, что Господу служат лишь миролюбием? Бывает, против неверных надлежит обнажить меч... или ствол... – Улыбка. – Да вам и не случалось посещать мою службу. Иногда нужен аргумент, чтобы собрать паству.
- Если Кэлхаун и уловил шутку, то вида не подал. – Итак, вы берете палатку, мистер Мерсер? У меня дела.
- Ах да. Палатка.

(2)

Обстановка внутри церкви была скудной. Ряды скамей, на возвышении – кафедра, за ней на стене – грубый деревянный крест с распятым Иисусом, выполненный в гротескной немецкой манере. Ровно по центру среднего ряда скамей располагалась дверь. Кэлхаун подвел туда Преподобного и открыл. Просунув руку внутрь, он вынул керосиновую лампу и зажег. Немного выкрутил фитиль, и они стали спускаться по скрипучим ступеням.

В задней части помещения Преподобный различил высокое окно, занавешенное плотной шторой. Через нее пробивался свет. Притом что комната была длинной, ее потолок располагался вровень с основным помещением церкви. Похоже, некогда в церкви был второй этаж, но потом его снесли, чтобы расширить пространство для хранения разной утвари.

Ящики, бочки, тюки и коробки были нагромождены в штабеля. У стены возвышалась покрытая пылью оружейная стойка с винчестерами, двуствольными дробовиками и парой старинных ружей Шарпа. Возле – несколько ящиков с надписями «Патроны» и «Оружие».

– Для человека, не питающего склонности к оружию, у вас неплохой арсенал, – заметил Преподобный.

– Не нужно ехидничать, парень... Поначалу эту церковь строили как склад и оплот от нападений разбойников и индейцев... Но они не слишком нас донимали. Ружья так и остались

здесь, как и решетки на окнах. На будущий год я сниму решетки и постараюсь убедить городской совет вынести всю эту рухлядь.

– Что в этих ящиках?

– Инструменты. Кое-какая одежда. Пистолеты и пули.

Преподобный подошел к оружейной стойке и присмотрелся. Хотя кое-где на ружьях виднелись пятна ржавчины, в целом они были в полном порядке. Толстые кирпичные стены хорошо защищали от влаги.

– Вот палатка, мистер Мерсер.

– Преподобный Мерсер, – поправил Джеб, обернувшись.

(3)

У него случился рецидив.

Следом за тем, как они с Кэлхауном выволокли по лестнице тяжеленную палатку и Преподобный нанял повозку для перевозки в отель «Монтклер», где с полдюжины ребятишек помогли затащить ее в номер – он снова увидел ту женщину. Когда он рассчитывался с мальчишками на мостовой возле отеля – как положено, по шесть монет каждому, – он увидел, как похожая на его сестру брюнетка переходит улицу под руку с пожилым господином.

Она обернулась и взглянула на него. Между ними была порядочная дистанция, но Преподобный ощутил покалывание в теле, как после близкого удара молнии. В чреслах у него засвербело, а на душе сделалось муторно.

Он поднялся к себе, заперся и стал мастурбировать.

Потом настал черед виски.

В его поклаже оставалась еще одна бутылка, достав которую он занял на кровати привычную позу. Получалось, он совершенно недостоин дарованного Господом повторного шанса. Он все испортил. Он вновь взялся за чертово зелье, с тягой к которому не в силах совладать, и вновь вожделеет сестру или воплотившую ее образ женщину, теребя свое мужское естество, точно школьник. Воли у него не больше, чем у бешеной собаки.

Теперь неизбежно наступит ночь с кошмарами о лодке на адской реке и поджидающей твари в паучьем обличье.

В дверь постучали.

Преподобный изумился проворству, с которым перекинул бутылку в левую руку и выхватил револьвер, – так же легко, как перед этим выпростал свой бутон и наяривал, пока тот не дал сок.

Он перекатился на бок и сел на краю постели.

Поставив бутылку на пол, поместил себя и револьвер назад в штаны.

Стук повторился.

– Придержите коней, – сказал Преподобный.

После чего отворил.

С порога на него уставился Дэвид из конюшни.

(4)

– Только не говори мне, что цена за мою лошадь выросла еще на шесть монет и с меня еще и скребок, – сказал Преподобный.

Не отвечая, Дэвид принялся:

– Несет как из винной бочки и как если бы ты драил свою ось.

– Парень твоих лет должен быть в курсе, – сказал Преподобный, несколько пристыженный, что его вычислили.

– Всему есть оправдание. Для женщин я слишком молод.
– Чем могу тебе помочь?
– Я-то думал, проповедники не одобряют хмельное.
– Я в том числе, но все равно пью. В медицинских целях... Итак, я могу что-то сделать или ты просто явился поучать меня умеренности?

– С позволения сказать, Преподобный, сегодня вы не такой бойкий и праведный, как вчера.

Дэвид широко улыбнулся.

– Может, отучить тебя улыбаться?

– Не надо. – Дэвид сделался серьезным.

– Так, ради всего святого, говори, в чем дело. Чего ты хочешь, пока я от скуки не помер?

– Да револьвер, что у вас. Умеете с ним обращаться?

– Обычно попадаю в цель, даже если швыряю им.

– Ага, по виду вы как раз такой. Мне нужен урок стрельбы.

Преподобный взялся за дверь, точно намереваясь закрыть ее.

– Я не даю уроков. Папашу проси.

– Кроме как горбатиться, он другому не учит.

– Закаляет характер, всего хорошего.

– Я заплачу.

– Заплатишь, чтобы я научил тебя стрелять?

Дэвид кивнул.

– С чего бы тебе так приспичило?

– Вроде каждый мужчина должен это уметь.

А папаша твердит, что от меня мало проку. Мол, не дорос я до мужской работы и мужских занятий.

– Ты просто пока не подрос. Ты мальчик.

– Говорит, я как мама – мечтатель.

– Мне отец говорил то же самое.

– Правда?

– Да, помимо всего прочего.

– А можно мне не стоять в коридоре?

– Пожалуй.

Дэвид зашел в номер, и Преподобный, закрыв дверь, сел на кровать. Дэвид остался стоять.

Преподобный снова взял бутылку и глотнул виски. – На пьянчугу вы не похожи, – сказал Дэвид.

– Внешность обманчива, – сказал Преподобный и сделал новый глоток.

– Вы с виду такой – особый. Словно и вправду правая рука Господа – понимаете?

– Нет.

Повисла неловкая тишина.

– Хорошо, дам тебе урок стрельбы, – сказал Преподобный. – Завтра утром. Но деньги мне не нужны. Нужна услуга.

– Все, что хотите. Только скажите.

– погоди. Нельзя соглашаться, пока тебе не разъяснили, в чем дело. Иначе, сам не подозревая, рискуешь заложить голову черту. Так что выслушай.

Преподобный кивком указал на брошенную на пол палатку.

– Вечером в субботу я прочту проповедь. Нужно несколько ребят, чтобы помочь поставить палатку. Я тут нанял одних затащить ее наверх, но толку от них было мало. Самому пришлось попотеть. И мне больше не нужна шайка лодырей, когда придет время ее ставить.

– Я сумею. Я знаю подходящих ребят. Я...

Удерживающий жест.

– Подожди минуту. Еще понадобятся ребята для раздачи листовок, которые мне должны отпечатать. Там будет время и место церемонии. Могу я положиться на тебя в том, чтобы листовки раздали и расклеили по городу?

– Можете.

– Хорошо. Тогда беги. У меня голова разболелась.

Дэвид кивнул:

– Преподобный, может, уже достаточно виски?

– Это мне решать. Проваливай, или мне самому тебя выставить?

– Слушаюсь, сэр.

– Да, постой, еще одно. Пока мы будем за городом, где я дам тебе урок, мне нужно помочь срезать несколько кольев для палатки. – Преподобный встал на ноги. – Вот тебе деньги нанять у отца повозку. Скажешь, я подрядил тебя на работу. Он будет доволен. Приятно узнать, что тебе придется горбатиться. – Посмотрим, – сказал Дэвид. – Срезать колья, поставить палатку, раздать листовки и нанять повозку. Может, Преподобный, за вас и проповедь прочесть?

– Очень смешно. Прямо Эдди Фой. Ладно, ступай.

Дэвид вышел.

Преподобный закрыл дверь, снова присел на кровать и взял бутыль. Он почти поднес бутыль к губам, когда вспомнил слова Дэвида: «Вы с виду такой – особый. Словно и вправду правая рука Господа...»

– Будь я проклят, – сказал он и встал.

Не выпуская бутыль, он шагнул к окну и выглянул наружу. Дэвид переходил улицу, поодаль было еще несколько пешеходов.

Он обернулся к зеркалу. Отражение в нем не порадовало. Развернувшись, он вылил на улицу остатки виски, рукояткой револьвера разбил бутылку и бросил осколки в мусорную корзину.

Еще раз рассмотрел себя в зеркале. С виду мало изменилось, но внутри решил – больше ни капли виски. Он откликнулся на призыв свыше и станет таким, как назвал его Дэвид, – «правой рукой Господа».

Внезапно Преподобный хватил кулаком в зеркало и расколол его, разрезав себе костяшки. Все это он не раз говорил себе и прежде.

Он обмыл пораненную руку и снова взглянул на расколотое отражение. Сейчас он выглядел поприличнее.

– Я стараюсь, Господи. Стараюсь.

Тщательно, по заведенному ритуалу, он вымыл руки, будто смывая прилипшую к коже вонючую слизь, которая оставалась невидимой.

И тут его осенило. Брюнетка была послана как искушение. Дэвид же был помощью от Господа, чтобы придать ему сил. Значит, он не совсем погиб.

Бросив последний взгляд в зеркало, он расхохотался и подумал: «Проживание в отеле обойдется в круглую сумму».

(5)

В ящике на сеновале конюшни другой, укрытый от света и погруженный в приятную дремоту, отсчитывал колебания маятника, уносящего минуты в предвкушении ночи. Тогда все и начнется.

Глава третья

(1)

Солнце еще не зашло, но для Джо Боба Райна день подошел к концу.

Он выслал Дэвида вперед. Хотелось прогуляться домой в одиночестве, чтобы никто не мешал дурацкой болтовней. Денек выдался тяжелый.

Когда Райн запирает конюшню, прилаживая на место большой серый замок, последний луч солнца блеснул на нем и пропал, уступив место тьме. В унисон со звуком защелкнувшейся дужки чуткий слух Райна уловил другой – будто что-то скрипнуло.

Наверное, лошади.

Райн поплелся к дому, стоявшему в самом конце улицы, сразу за лавкой цирюльника. Он был голоден, как медведь после зимней спячки. Оставалось надеяться, что женщина поставила еду на стол. Сегодня он слишком утомился, чтобы давать ей взбучку.

Вскоре за тем, как Райн направился домой, где благоухали жареные бобы и кукурузные лепешки, двери конюшни слегка дрогнули. Запертый замок упал в пыль. Двери распахнулись настежь – и вихрь ледяного ветра промчался по улице.

Двери закрылись. Замок впрыгнул назад в петли. И все стало как было.

Почти.

(2)

Пес был ночным охотником. Бесхозным. Кравшимся темными улицами на мягких лапах, всегда настороже.

Его не раз пытались подстрелить за злобный нрав, и весь интерес собачьей жизни заключался в том, чтобы рыться в отбросах, жрать падаль и набрасываться на мелкий скот.

В один год он задрал весь приплод кроликов в клетях старика Матера и прикончил его призового борова, проявив чудеса ловкости.

Он покусал мальчишку, норовившего стукнуть его палкой, и заставил всех собак в городе при его появлении улепетывать, поджав хвост. И уже год, как с успехом избегал пуль, камней и проклятий. Он был умен. Умел выживать. Затаившись днем, выходил поживиться на закате, когда люди садились ужинать, а двери салунов почти не закрывались. Подходящее время для падальщика. И этим вечером он навестил свое излюбленное место – задворки у Молли Макгуайр. Вот где всегда достаточно сытных отбросов – кроме пятниц, когда Анкл Бэнс, нагрузив ими свою тележку, волочил ее прочь. Но сегодняшний вечер удался: он чуял запахи чили, черствого печенья и отсыревших лепешек.

Пес вскарабкался на деревянный мусорный бак и опрокинул его. Бак глухо громыхнул, извергнув содержимое наземь. Но исходивший слюной пес не стал набрасываться на еду. Он проследил за задней дверью кафе и обернулся в обе стороны узкого переулочка. Никто не показался.

Пес с головой нырнул в бак, зубами и передними лапами разворошив бумагу и жестянки, чтобы подобраться к угощению. Первой попалась лепешка с сахарным сиропом и капелькой чили – ее он проглотил не разжевывая. И скоро так забылся от изобилия оставленных ему лакомств, что, когда почуял неладное, было слишком поздно.

Его насторожил не только запах – что-то другое, шестое чувство. Пес выпростал голову из бака, чтобы оглядеться.

Шерсть на загривке вздыбилась, складки на пасти стянулись назад, обнажив желтые, в клочьях слюны клыки. Из глотки вырвалось глухое рычание.

Смутный силуэт шевельнулся в тени.

Все это было совсем не по нраву псу. Сейчас он чувствовал себя так, как последний раз еще щенком. Он чувствовал страх.

Но страх можно преодолеть. Пес умел выживать. Он был бойцом, большим и сильным. Клацнув пастью, пес бросился на тень. И успел взвизгнуть лишь раз.

(3)

Городской пьяница Нат Фостер был самым опрятным выпивохой из всех явившихся на свет. Всегда, невзирая на жару, облаченный в черный сюртук в стиле принца Альберта, полосатые штаны-дудочки и безупречно свежий котелок.

Всех прочих пьяниц Мад-Крика он обгонял уже на шесть порций пива и два виски. Во-первых, благодаря тому, что имел двухчасовой запас по времени, и, во-вторых, потому, что мог себе это позволить. В отличие от других выпивох, Нат Фостер, король пьяниц Мад-Крика, был еще и городским банкиром, и очень неплохо зарабатывал. В этот вечер он был в особенно приподнятом настроении – приступил с утра пораньше и виски был отменный.

Сейчас, набрав должную кондицию, он собрался на вечернюю прогулку (или, как говаривала его школьная учительница Бесси Джексон, «на вечернее шатание») к Молли Макгуайр, где закажет вырезку и бифштекс, без подливы, но с кучей галет. Чтобы от души заложить за галстук.

Почти у самого кафе он почувствовал, что пора отлить.

Сперва отливаем. После едим.

Чуть-чуть ускорив вихляющую поступь, Нат нырнул в проулок, выходящий на задворки к Молли. Но не сделал и трех шагов, на ходу расстегивая брюки, как споткнулся обо что-то и рухнул лицом вниз. При этом обмочился с ног до головы.

– Проклятье, – пробурчал он, приподнимаясь на локтях. Смесь пива и виски едва не пошла назад. Нат перевалился на бок, разглядеть, что попало под ноги. Там что-то темнело.

Он залез в карман, вынул спичку и с огромным трудом сумел после нескольких попыток зажечь ее об ноготь. Наклонившись, поднес спичку ближе к темной куче. Перед ним был пес. Тот самый здоровый пес, бич всего города. И, Боже милостивый, с горлом, разорванным в клочья.

Нат стремительно трезвел. Он вскочил на ноги, тут же возникло жуткое чувство, что кто-то или что-то наблюдает за ним.

Облизав губы, он медленно развернулся.

Пустота.

Только окутанный тенью переулок и узкий как бритва луч света из-под задней двери кафе Молли Макгуайр.

Но странное ощущение не пропало. Нат не был настолько любознательным, чтобы отыскивать его источник. Он предпочел повернуть назад, туда, откуда пришел.

И сразу врезался в чью-то широкую грудь.

Взгляд Ната устремился вверх. Лицо мужчины скрывала тень прямых полей большой черной шляпы. Оно напомнило... нет, это невозможно.

Человек подался вперед, и теперь Нат мог различить черты индейца, не вполне отчетливо, но достаточно, чтобы не ошибиться.

– Ты, – сказал Нат.

– Здорово, – произнес громила.

Нат хотел крикнуть, но вместо крика изрыгнул струю рвоты из виски с пивом, прямо на грудь громадного индейца.

– Нехорошо, – сказал индеец. – Совсем плохо.

Его руки метнулись, ухватив отвороты сюртука в стиле принца Альберта. Он притянул Ната вплотную, нагнул голову к его лицу и улыбнулся.

(4)

За десять миль от Мад-Крика, на опушке рядом с проезжей дорогой, тонкая длинная белая рука вылезла из мягкой лесной подстилки.

Неподалеку проросли еще несколько.

Чуть погодя Милли Джонсон стянула грязь с лица – вернее с его останков, высвободила обе руки и принялась соскребать землю с платья.

К тому времени Билл Нолан уже управился.

Резко, как высвобожденное лезвие перочинного ножа, он сел. Из пустой глазницы вывалился комок грязи. Рассеянным движением Нолан надвинул повязку на место, закрывая отверстие.

По соседству земля зашевелилась, будто ее разрывал сурок, и появился игрок.

Сломанной правой рукой Нолан отвесил ему тумака. Игрок, из шеи которого был вырван громадный кусок, и поэтому его голова торчала вбок, зарычал.

Рядом с ними из-под земли выбралась Лулу. Ее платье было распорото от лифа до промежности. Из груди уцелела всего одна; вторую, похоже, оторвали или отгрызли. Лулу это не смущало. Она встала на ноги.

Тут же проклюнулся Джейк, дождем рассыпая комки грязи. К его груди прильнула малышка Миньон. Отцепившись, она упала на землю, как раздувшийся клещ, и несколько мгновений лежала неподвижно. Платье на ее спине было разодрано вместе с плотью, позвоночник торчал наружу.

Вся компания выбралась на обочину и отправилась в путь.

В сторону Мад-Крика.

(5)

Расположившись за столом в своей конторе, шериф Мэтт Кейдж пил кофе. Дверь открылась, впуслав Калеба.

– Садись, старый пердун, – пригласил Мэтт.

– Может, и присел бы... будь у тебя выпить что-то, кроме этой кошачьей мочи.

Ухмыльнувшись, Мэтт извлек одной рукой из ящика стола два стакана, другой – бутылку.

Калеб уселся напротив.

– Ну, рассказывай, – произнес он.

Мэтт стал разливать виски. Он наполнил один стакан и, только булькнув во второй, остановился. На доньшке плавала муха.

– Я ее вижу, пусть она тебя не удерживает, – сказал Калеб.

Потянувшись, он придавил руку Мэтта, доливая стакан до краев. После чего отхлебнул.

Мэтт повел бровью.

– Когда я жил с индейцами, – сказал Калеб, – пусть все они подохнут в жутких корчах и уступят место праведным людям, так вот: если в похлебку залетала муха, это считалось лишним куском мяса. Надо только пропихнуть шельму внутрь. С тех пор осталась привычка. И для здоровья полезно.

– Господи Боже, Калеб. Как я с тобой уживаюсь?

– Сдается, во мне море обаяния.

Одним мощным глотком Калеб разделался с виски вместе с мухой.

– Давай еще, – сказал он.

Мэтт налил.

Когда стакан наполнился, Калеб провозгласил тост:

– За женские ножки, какими я их люблю. Пальчики снизу, киска сверху.

Они выпили.

– Знаешь, – сказал Калеб, утираясь грязным рукавом, – что-то вечер сегодня напомнил тот, когда мы разобрались с индейцем. Самая погода, чтобы кого-нибудь вздернуть. Холодно и ясно.

– Не начинай, Калеб.

Калеб просунул руку за пазуху и достал кожаный шнурок с нанизанной парой женских ушей.

– Убери, – сказал Мэтт.

– Что, с годами стал неженкой?

– Мне противно их видеть – вот и все. – Мэтт встал из-за стола. – Пора на ночной обход. – Он снял шляпу с крюка на стене.

– Валяй, – сказал Калеб. – А я посижу тут за бутылкой.

– Подходящее для тебя место. Может, изловишь пару новых мух. Да, Калеб, сделай одолжение. Не пей из горлышка.

Мэтт вышел.

Калеб взболтал бутылку и сделал долгий глоток.

(6)

С крыльца своей конторы Мэтт оглядел улицу. Калеб не ошибся. Непонятно отчего, ночь была в точности такой, как та, когда казнили индейца. В тот раз он должен был пристрелить Калеба. Он так и не мог взять в толк, что его удержало. Мало того, он стал привечать его как друга. Это дерьмо. Неотесанного мухоеда. И вообразить страшно, что он сделал с женой того индейца... Слава Богу, Мэтт не был свидетелем.

Вообще-то, он пытался их остановить.

Мэтт прищурился и снова оглядел улицу. Та ночь снова предстала во всех деталях. Он стоял на этом самом месте, когда они явились за индейцем и его женщиной.

Впереди шел Калеб, с ножом для снятия шкур.

– Пусти нас, Мэтт, – сказал он. – Не влезай в это дело. Нам нужен индеец и его черномазая – и мы их получим.

– Ничего не выйдет, – ответил он тогда.

Тут вперед шагнул Дэвид Уэбб. На него было жалко смотреть. Слезы ручьем текли по его лицу.

– Он убил мою крошку, – крикнул Уэбб. – Он убийца. А ты здесь вроде шериф. Шериф Мад-Крика. Если справедливость что-то для тебя значит – отдай их нам!

Но Мэтт остался стоять, не снимая ладони с рукояти револьвера.

Пока не взглянул на Калеба, а тот не сказал:

– Ты защищаешь убийцу-индейца и черномазую. Сбрендил, Мэтт? Отойди.

И он отошел.

Они ворвались внутрь, сорвали со стены ключ, открыли камеру и выволокли оттуда индейца вместе с женой-мулаткой.

Когда толпа показалась в дверях, они тащили своих жертв на руках, но индеец, как его крепко ни держали, обернулся к Мэтту и почти буднично произнес:

– Ты не будешь забыт.

Толпа выплеснулась на улицу, индейца и женщину бросили в повозку, связав по рукам и ногам. Возница понукнул коней, и повозка тронулась, сопровождаемая толпой.

Кaleb задержался. Подойдя к Мэтту, он бросил ключ к его ногам.

– Парень, ты все правильно сделал.

Сказав так, он потрусил за остальными.

Видение той ночи растаяло, и Мэтт шагнул на тротуар, приступая к ночному обходу.

(7)

Из всей службы ночные обходы оставались у Мэтта излюбленным занятием. Здесь он чувствовал себя повелителем городка. Он кивал встречным, хотя их попадалось мало – к этому времени все расплзались по домам, либо к Молли, либо в салун «Мертвая собака».

Он подошел к салуну и заглянул через крутящиеся двери. Народу было немного. На вид все уставшие и на взводе. Бармен Зак выглядел скучающим и рассерженным одновременно. В дальнем углу какой-то пьяница валялся под столом, а единственная прислуга салуна склонилась над другим выпивохой, заснувшим у стойки. По виду заспанной девушки можно было безошибочно судить, как ей все осточертело в этой помойке. За столом четверо посетителей уныло перекидывались в картишки.

Заметив Мэтта в дверях, Зак сложил ладони в приглашающем жесте.

Улыбнувшись, Мэтт покачал головой и отправился дальше.

Мэтт шел дальше по улице, по пути проверяя двери, желая убедиться, что все заперто. Оказавшись у проулка, ведущего на задки к Молли Макгуайр, он задержался. До него долетел какой-то звук, вроде шороха со стороны мусорных баков. Не иначе, тот проклятый пес.

Мэтт выхватил револьвер. На сей раз он достанет ублюдка. Он начал осторожно красться вдоль узкого проулка. В лунном свете проступила тень. Косой силуэт крупного человека в широкополой шляпе. Отчего-то кажущийся странно знакомым.

Мэтт замер.

Он взвел курок и не сводил глаз с тени.

– Кто здесь? – позвал он. – Это шериф. Кто здесь – я спрашиваю?!

Тишина. Тень не шелохнулась.

Мэтт продвинулся на дюйм.

– Ты не забыт, – донесся голос. Или это просто шелестел ветер?!

Но ветра не было.

– Кто здесь, говорю?

В этот миг тень задрожала, распалась и слилась вновь. Но уже не в очертания крупного мужчины в широкополой шляпе. Теперь это была тень волка.

Мэтт заморгал и попятился в переулок, выставив перед собой револьвер. Тень шевельнулась, вырастая все больше.

Развернувшись, Мэтт бросился наутек. Он даже не успел завернуть к Молли Макгуайр, а понесся сломя голову вдоль улицы. И тут его как стукнуло.

Он остановился. Не оборачиваясь. Просто стоял посреди улицы. Какой голос? Это лишь ветер и его воображение. Не было там никакой мужской тени, превратившейся в волчью. Все время он видел тень пса, который уже год изводит город. У него сдали нервы. Кaleb, видно, прав. Он становится неженкой.

Тотчас же за спиной послышался топот мягких лап.

Стоит обернуться, сказал он себе, – и там будет здоровый желтый пес, я вышибу ему мозги – и все кончится.

Но найти силы обернуться он не мог. От мысли о том, что там можно увидеть, брала жуть. В глубине души он знал, что ни желтого пса, ни волка там нет. Будет что-то еще.

Ускоряя шаг, он направился в сторону церкви.

Топот за спиной на мгновение стих, словно его изучали, но тут же возобновился. Кто бы ни гнался за ним, существо было крупным. Уже доносилось его дыхание.

Мэтт пустился бегом. Улица совсем опустела. Только церковь в конце, как маяк, с белым крестом высоко на крыше, бросающим черную тень на улицу.

Воздух толчками рвался из груди Мэтта. И такое же отрывистое дыхание за спиной. И чувство, что его вот-вот настигнут, прыгнут на спину, повалят, отчего он встрепенулся и помчался быстрее, пока бок не был готов разорваться. Но он бежал, чувствуя на шее горячее дыхание преследователя.

С него сорвало шляпу. Он задыхался. До церкви – рукой подать.

Дома по обеим сторонам улицы словно наклонились внутрь, под странными углами повиснув у него над головой. Свет померк, и все звуки исчезли, кроме его судорожных всхлипов и дыхания настигающего существа.

А потом он влетел в тень от креста – и его будто подхватил вихрь теплого ветра. Взмыв по ступеням церкви, он уткнулся в дверь и обернулся, выставив револьвер, – но никого не увидел.

Только пустая улица, посередине которой валялась его шляпа. Дома стояли ровно и не нависали над улицей, фонари горели ярко, как всегда. Поодаль у Молли Макгуайр бубнили голоса, и в салуне «Мертвая собака» кто-то наконец уселся за пианино.

Мэтт оперся спиной о церковную дверь и перевел дух. Понемногу его лицо обмякло, на губах заиграла улыбка. Он сполз на корточки и расхохотался. Револьвер отправился назад в кобуру.

– Ничего, – сказал он. – Ни черта нет.

В этот миг протяжный вой пронесся по улице, обратившись в раскаты хриплого и злобного хохота.

(8)

Немного погодя шериф с опаской удалился от церкви и подобрал свою шляпу. Попробовав надеть ее, он невольно вскрикнул – тулья была почти начисто отхвачена. Зажав шляпу в кулаке, он опрометью помчался в кутузку.

(9)

Мертвый игрок оказался скор на ногу, хотя Милли даже в одном башмаке старалась не отставать. Остальные тоже норовили угнаться за ним, но длинные ноги и уверенная поступь игрока не оставляли им шансов.

Он вырвался вперед, точно надеясь выиграть гонку.

Когда ночь пошла на убыль и небо стало понемногу светлеть, все, кроме игрока, замедлили шаг. Он прибавил ходу.

Повернув в лес, Милли вышла к полю, двигаясь вдоль которого заметила очертания дома. Сейчас она уже не могла узнать тот дом, где жила вместе с сестрой Буэлой, как не догадывалась и о том, что Буэла извелась в попытках узнать об ее участи. Мозг Милли съедала единственная потребность, которой она подчинялась.

Огонь в доме не горел. Вокруг было тихо. За горизонтом, как робкое светловолосое дитя, поднимало голову солнце.

Женщина в одном башмаке набрела на вход в погреб. Из дома тянуло человеческим теплом, и в ней шевельнулся голод.

Она посмотрела на небо. Светловолосая голова угадывалась все яснее, лучи, словно тонкие пряди волос, озаряли горизонт.

Отворив люк в погреб, она проковыляла по короткой лестнице вниз, не забыв захлопнуть крышку. В этих местах погребом пользовались редко. Земля была слишком влажной, так что его оставили наполняться тухлой водой.

Для Милли это значения не имело. Как и все остальное, кроме солнечных лучей и жгучего желания насытиться – поскорее.

Она медленно погружалась, пока вода не заколыхалась над ее макушкой. Напуганный водяной щитомордник быстро вильнул в сторону. Червей и грязь смыло с ее волос и тела, оставив пленкой на поверхности, пока она опускалась все ниже. ГЛУБЖЕ, ГЛУБЖЕ, ГЛУБЖЕ, пока не улеглась на дне погреба, не оставив на темной поверхности воды ни малейшей ряби.

Когда начало светать, другие тоже остановились и расползлись по обочинам, где земля была мягче. И голыми руками принялись отчаянно рыть себе укрытия.

Забравшись в вырытые ямы, они нагребали палую листву, пока не засыпали себя с головой, а затем упрятали и руки.

Но только не игрок. Он давно оставил всех позади и миновал придорожный знак с надписью: «МАДКРИК».

(10)

Перед самым восходом солнца двери конюшни распахнулись настежь, будто распростертые крылья огромной летучей мыши, и замок, крутясь, упал в пыль.

Вихрь холодного ветра влетел в конюшню, двери следом за ним захлопнулись. Замок вернулся на свое место.

Часть 2 Сбор частей

*Пред песнопевцем взор склоните,
И этой грезы слыша звон,
Сомкнемся тесным хороводом,
Затем что он воскормлен медом
И млеком рая напоен!*

С. Т. Кольридж. Кубля Хан (пер. К. Бальмонта)

Глава четвертая

(1)

Стоя перед разбитым зеркалом, Преподобный задумчиво полоскал руки в умывальнике. Он поскреб их, сполоснул лицо и насухо вытерся.

После чего выглянул в окно.

Солнце готово было показаться, раскрасив бледный небосвод в розовые и красные полосы.

По улице шел человек: быстро, но странной походкой, словно болел рахитом. Поравнявшись с салуном, он подергал засов, приделанный снаружи вращающихся дверей. Засов не поддался.

Солнце полностью вылезло, и волна света пронеслась по улице. Когда она попала на человека у салуна, тот негромко взвизгнул. От его рук и макушки начал струиться дымок. Он дернул засов сильнее.

Рука оторвалась от плеча и вывалилась из рукава. Пальцы все еще крепко сжимали засов, и рука повисла на нем, обескровленная и белая.

Человек мгновение таращился на нее, затем оставшейся рукой отцепил от замка и засунул в глубокий карман накидки. От локтя до сустава она осталась торчать наружу.

Человек быстро заковылял дальше, пробуя по пути каждую дверь. Дойдя до половины улицы, он рухнул вниз лицом.

Преподобный ринулся вниз по лестнице.

(2)

Подбежав к упавшему, Преподобный склонился над ним. Тело дымилось. Рука, торчащая из кармана, была дряблой, как обвисший член. Постепенно она выскользнула из кармана на землю.

Без особого восторга Преподобный прикоснулся к шее игрока, нащупывая пульс. Пульса не было. На ощупь плоть была странной: пахнущая гнилью кожа липла к пальцам, как плесень. Он быстро отдернул руку и вытер пальцы о землю.

Внезапно кто-то взял его за плечо.

В один миг Преподобный был на ногах, разворачиваясь и выхватывая из-за кушака свой кольт.

Дуло взведенного револьвера уперлось в нос престарелого господина, которого он встретил в кафе с прекрасной женщиной, напомнившей ему сестру. Сейчас она стояла рядом, широко распахнув глаза и рот.

– Ого! – произнес пожилой господин. – Мы такие же добрые самаритяне, как и ты. Увидели, как он упал. Боже, но ты скор.

Преподобный отвел назад руку с револьвером и отпустил курок. Пока старик скрылся из поля зрения, чтобы обследовать тело, он получил возможность рассмотреть женщину. Ее красота превосходила все представления. Господь не переставал его испытывать.

Он перевел взгляд на старика, который, как перед этим он сам, коснулся тела и вытирал пальцы о землю.

– Самая дьявольская штука, что мне довелось видеть, – сказал старик. – Воняет так, будто мертв уже неделю.

– Он шел, – сказал Преподобный.

– Знаю, сынок, не волнуйся. Говорю же, мы видели, как он упал.

Тело уже превратилось в совершенную мерзость. Оно дымилось, и его отдельные части полностью разложились, утонув внутри одежды. С головы слезла плоть, обнажив череп. Но теперь и он пошел пузырями.

Старик поднялся.

– Ждите здесь, – сказал он. – Я скоро. – И устремился через улицу к лечебнице.

– Не поздновато ли? – сказал вслед Преподобный, но старик проигнорировал замечание.

– Он доктор, – пояснила женщина.

Преподобный покосился на нее, снова на старика, который отпер лечебницу и исчез внутри.

– И к тому же мой отец.

Обернувшись, Преподобный сумел только выдавить:

– О!

Он пялился на нее и ничего не мог с собой поделать. Отвести взгляд было выше его сил. Вернулся доктор с тачкой и парой лопат, одну из которых вручил Преподобному.

– Это еще зачем? – спросил тот, перехватывая лопату одной рукой, пока второй засовывал на место револьвер.

– Грузи его в тачку, приятель, и старайся зачерпывать поменьше грязи, – сказал доктор.

Доктор подцепил лопатой студенистую массу, растекшуюся поверх воротника трупa и некогда исполнявшую роль шеи. От тела почти ничего не осталось: целым сохранился только облезший череп, вокруг которого в лужице плавали остатки волос. Мухи облепили останки, как рассыпанный на пудинге изюм.

Помедлив немного, Преподобный начал грузить труп в тачку.

(3)

Помахав, чтобы прогнать мух, доктор повез тачку с гнусной жижей и замаранной одеждой к себе в лечебницу. Его дочь и Преподобный шли следом.

Миновав приемную и небольшой коридор, они свернули направо. Здесь было темно. Доктор зажег лампу и посылнее открутил фитиль. Они оказались в лаборатории. Посредине стоял длинный стол. Вдоль стен располагались стеллажи с множеством стеклянных колбочек, пробирок и прочих сосудов. Часть из них содержали разноцветные жидкости. На столике у стены – микроскоп и различные инструменты. Окна плотно занавешены темно-синей тканью, так что нельзя судить, день снаружи или ночь.

Доктор заметил, как Преподобный осматривается. – Люблю уют, – сказал он. – Так как ваше имя?

– Преподобный Джебидайя Мерсер. Извините, что не подаю руки.

– Равно и вы меня. Руки можно помыть в раковине. Это моя дочь, Эбби, а я Док Пикнер. Местные чаще зовут меня Док.

– Рад знакомству, – сказал Преподобный, но при мысли о сопутствующих обстоятельствах смутился. – Док, вам случалось прежде такое видеть?

Док покачал головой.

– Папа, а это не может быть форма проказы? – спросила Эбби.

– Нет. Ничего общего... Боже, да вы только взгляните. Похоже, он мертв несколько недель, однако мы видели обратное – как он шел.

– Если это болезнь, мы все рискуем заразиться, – сказал Преподобный.

– Только не я, – воскликнула Эбби. – Я его не касалась. Это вы и отец.

– Ишь, как всполошилась, – сказал Док. – Мойте руки – вон там, и потом я обработаю их химикатом.

Преподобный последовал его совету. Эбби плеснула свежей воды из кувшина в рукомойник. Когда он закончил и вытер руки полотенцем, Док облил их препаратом и оставил подсыхать.

– Ну вот, – сказал он, – отчего бы вам обоим не расположиться поудобнее в приемной? Можно пока сделать кофе, а я уложу эту гадость на стол, умоюсь и составлю вам компанию.

– Папа, тебе точно не нужна помощь? – спросила Эбби.

– Абсолютно.

Вдвоем они вернулись в комнату, что выходила на улицу, и Эбби развела огонь в небольшом дровяном очаге. Чтобы не было так жарко, она открыла входную дверь, но, несмотря на раннее утро, воздух снаружи успел раскалиться.

Пока она наливала воду и насыпала кофе, Преподобный подметил, что при всем видимом апломбе ей не удавалось унять дрожь в пальцах. И не удержался от комментария.

– Ну вот, попалась, – призналась она. – Я-то надеялась, что профессиональное самообладание мне не изменит.

Преподобный вытянул вперед руку, которая слегка подрагивала.

– Не вы одна, – сказал он.

Улыбка в ответ была очень славной.

– Я сталкивалась со смертью с самого детства, – сказала Эбби. – Когда твой отец доктор, это неизбежно. Уже в юности я стала при нем сестрой. Так что, когда мама заболела, мы вместе пытались ее спасти – но не смогли. Однако такое вижу впервые. – Вот и я.

Когда кофе сварился, она достала из ящика стола чашки, налила себе и Преподобному. Принимая протянутую чашку, он уловил аромат ее тела, и тлеющий в чреслах проклятый огонь вспыхнул с новой силой. Облегчение смешалось с разочарованием, когда она отодвинулась.

Эбби присела на край стола, свободно скрестив ноги под длинной юбкой. Преподобный счел это одним из самых сексуальных движений, какие он когда-либо видел. Прихлебывая кофе, она разглядывала его поверх ободка чашки.

Он в свою очередь не мог отвести глаз.

– Преподобный, у вас что-то на уме, кроме кофе? – спросила она.

– Извините. Вы очень привлекательная женщина.

– Да. Я слышу это от каждого мужчины в городе. Думала, вы сочините что-нибудь новенькое.

– Вряд ли я сумею.

– Но вы так и не ответили на мой вопрос. Что-то есть у вас на уме, Преподобный?

– Возможно. Впрочем, не уверен, что об этом стоит упоминать вслух.

– Преподобный, не будьте таким ханжой.

– Тогда лучше зовите меня Джеб.

– Хорошо, Джеб.

– Думаю, мне пора идти.

– Джеб, вы не допили кофе. И папа хотел с вами побеседовать.

Преподобный лихорадочно допил свой кофе.

– Мне и вправду пора.

И тут в памяти всплыл замечательный повод, чтобы вежливо откланяться. Он ведь собирался научить Дэвида стрелять, а от недавних волнений совершенно об этом забыл. Он поделился их с Дэвидом планами.

– Звучит заманчиво. А что скажете, если я присоединюсь? Мы могли бы устроить пикник. – Она улыбнулась. – Мне всегда нравилось смотреть, как мужчины потеют, а день обещает быть жарким.

Преподобный не знал, что и думать. Пока он собирался с мыслями, зашел Док.

– Кофе остался? – спросил он.

Эбби улыбнулась:

– Конечно.

Она поставила свою чашку и наполнила другую для Дока. Он сел за стол и сделал глоток. Вид у него был весьма задумчивый.

– В жизни такого не видел, – сказал он. – Никогда. На болезнь это совсем непохоже.

– Что же тогда? – спросил Преподобный.

– Не знаю, – ответил Док. – Есть предположения, но не более.

– А что за предположения? – спросила Эбби.

– Лучше пока промолчу. Чтобы вы не подумали, что я совсем сбрендил.

– Навряд ли, – ухмыльнулась Эбби.

Док ответил ухмылкой:

– По крайней мере, пока не сверюсь кое с какими книгами.

– Папа, а мы с Преподобным обсуждаем поездку на пикник – верно, Преподобный?

Опять его застали врасплох. Он ничего не обсуждал – Эбби сама завела разговор, и, когда появился Док, толком ничего не сложилось. Отделаться от нее, похоже, будет непросто. Господь, знать, не церемонился, ниспослав ему эту напасть. И нечего ждать спасения. К тому же последнее время он слишком замкнулся. Компания Дэвида и Эбби могла помочь развеяться.

– Да, – подтвердил он. – Решили, что это неплохая мысль.

– По мне, просто отличная, – сказал Док.

– Возможно, после Преподобный заглянет к нам на чашку кофе, – сказала Эбби, – и ты сможешь поделиться, что удалось отыскать в твоих книгах.

Док вновь не удержался от улыбки.

– Возможно, поделиться будет нечем, но, – повернувшись к Преподобному, – я был бы рад вашей компании. Так что отчего вам не заглянуть? Мне выпал бы шанс поболтать с кем-то не из городка. Все мы тут заболтали друг друга, а в это время года и обсуждать особо нечего, кроме погоды. Про которую все сказано одним словом – жара. А вдруг нам удастся найти новую тему?

– Как знать, – сказал Преподобный. – Я поразмыслю над вашим приглашением. Пока точно не знаю, когда мы вернемся. Для меня этот пикник сопряжен с работой, если Эбби не возражает.

– Вовсе нет, если мне не придется трудиться, – сказала она.

– Не придется.

– Отлично, – подмигнула она Доку. – Мой старик меня совсем заездил.

– Меня ждет кто-то помоложе, – сказал Преподобный, после чего изложил Доку историю про Дэвида и колья.

– Всегда говорю, что молодежь нельзя заставлять ждать, – сказала Эбби. – Я соберу вещи для пикника, но сначала позвольте проводить вас.

(4)

На улице она обратилась к Преподобному:

– Я очень надеюсь, что вы зайдете к нам после.

– Может статься, что сегодня я успею вам надоесть.

– Сомневаюсь.

Общаясь с Эбби, он понемногу оттаивал и увлекался ею все сильнее. Он даже поймал себя на том, что часто улыбается. В последние годы он почти утратил эту привычку, так что лицо побаливало. Они огляделись. Через улицу, напротив входа в отель, стояла повозка. Дэвид сидел на козлах и смотрел на них с таким видом, точно проглотил жука.

– Я соберу нам поесть, – сказала Эбби и, прежде чем отвернуться и направиться в переулок рядом с приемной, коснулась его руки.

Преподобный подошел к повозке и посмотрел на сидящего Дэвида снизу вверх.

– Она, что ли, с нами? – спросил Дэвид.

– Если ты не против.

– А если я против – то как?

Преподобный немного помедлил:

– Я подумал, если что, она сгодится вместо мишени для стрельбы.

Дэвид расплылся в улыбке, хоть изо всех сил старался сдержаться.

(5)

Когда сборы остались позади и они погрузились, Дэвид расслабился. В компании Эбби было трудно оставаться напряженным. Обезоруживали простота общения и ее неизменно хорошее настроение – то, чего не доставало Преподобному с Дэвидом. Для их угрюмых душ такое соседство было как нельзя кстати. Управляя повозкой, Преподобный не мог избавиться от ощущения отца семейства с женой и сыном на загородной прогулке. Ощущение одновременно приятное и тревожное.

Отъехав мили три-четыре по дороге для дилижанса, они остановились на обочине. Преподобный оглядел лес вокруг.

- Захватил острый топор? – спросил он.
- Целых два. Один мне, другой – вам, – ответил Дэвид.
- Хорошо. Сейчас покажу тебе, как с ним обращаются.
- Вот уж поучусь, – сказал Дэвид.
- Мальчишки, мальчишки, – сказала Эбби.

До самого полудня Преподобный и Дэвид рубили деревья, обтесывали и складывали в повозку. Эбби устроилась в тени и погрузилась в чтение бульварного романа, время от времени громко хмыкая.

Когда пришло время обеда, на земле расстелили клетчатое одеяло, и Эбби достала свою корзинку. Они закусывали жареными цыплятами с домашним хлебом и пили из кувшина чай со льдом, который почти растворился. Угощение получилось на славу.

Преподобный был изумлен, как гладко все обернулось. У них с Эбби нашлось что обсудить. Во-первых, книги. Оба много читали, хотя ее пристрастие к бульварным романам не встретило одобрения с его стороны. Дэвид тоже пришелся к месту в общей беседе. Понятно, не как читатель. Однако он все схватывал на лету и знал подноготную большинства городских жителей, так что Эбби не поленилась выудить из него как можно больше.

Вполне довольный, Преподобный поймал себя на мысли, что хотел бы сохранить их компанию. Не стоило, однако, слишком усердствовать. Почти все, чего ему прежде случалось пожелать, в его руках обращалось в прах. Подобно Ионе, он разрушал все, к чему прикасался, лишь озлобляя окружающих. Дьявольское проклятие для человека, призванного нести другим мир и благодать. Сам он не стремился испить из источника, откуда черпал для других. А не поспеши он затем удалиться, источник неизменно оказывался осквернен. Тут он не знал промашки.

- Как, не пора пострелять? – спросил Дэвид.
- Что за спешка? – поинтересовался Преподобный.
- Уж больно хочется пальнуть из чертового пистолета.
- Раз так – понятно, – сказал Преподобный. – Последний стакан чая – и приступим.
- Вы это уже говорили, – заметила Эбби.
- Верно, – сказал Преподобный, наливая чай. – Но придется повторить снова, поскольку это действительно последний стакан в кувшине.

(6)

В то время как Преподобный, Эбби и Дэвид были заняты общением, один из поваров у Молли Макгуайр – Сесил – вышел выбросить утренние отходы и обнаружил ноги в лаковых штиблетах, торчащие прямо из большого деревянного мусорного бака.

Поставив ведро с отходами на землю, он заглянул в бак. Мусор был раскидан вокруг, а внутри были только человек и здоровенный желтый пес – тот самый, что больше года доставлял городу столько хлопот. При росте в шесть футов Сесил весил добрых двести фунтов. Засучив рукава на мускулистых руках, со времен морской службы татуированных якорями, он потянул. Тело не поддавалось – видно, запекшаяся на дне кровь приклеилась к волосам. Да и втиснутый тут же пес перекрывал проход. Сесил взялся поудобнее, крикнул и дернул.

На сей раз тело вылезло, оставив скальп с волосами на дне бака. Сесил свалил его на землю. За исключением шеи, которая болталась тряпкой, тело заоченело как доска. Из рта едва не на фут свисал язык, почерневший, словно ремень для правки бритв.

– Ты как раз тот, о ком я думал, – сказал Сесил, разглядывая труп. – Здорово, банкир, ты мертв – и ничего личного.

Почти те же слова произнес Нат, когда год назад отказал Сесилу в выкупе заложенной фермы. Точнее: «Ты разорен – и ничего личного. Я лишь выполняю свой долг».

– Выглядишь, как всегда, шикарно, – продолжал Сесил. – Даже лучше, чем когда-либо, старый мудозвон.

Не без характерной для него деликатности Сесил почесал яйца и снова заглянул в бак. Пес теперь предстал во всех подробностях. Его будто смяли в комок. Морда была гармошкой вдавлена в череп, а глаза вылезли и болтались на сухожилиях, как невиданные жуки. И пес, и Нат воняли дерьмом.

Сесил достал из кармана своей белой рубашки сигару – сигарный пепел посетители кафе нередко обнаруживали в соусах – и раскурил ее. Обычно купленную днем сигару он откладывал на вечер, но сейчас было, черт возьми, что отпраздновать. Проклятая дворняга посягнула на его мусорный бак, а старина Нат Фостер – местный банкир, выпивоха и мудозвон – забрал у него последнюю ферму. Сесил вернулся в кафе, принял стаканчик предназначенного для готовки шерри и после направился к шерифу (который обедал с Калемом) рассказать о бедном старине Нате.

(7)

Собаку решено было оставить в баке, а тело Ната отнесли в похоронное бюро и послали за Доком.

Когда Док прибыл, Нат выглядел не лучше, чем прежде. Вокруг тела стояли шериф, Калев и гробовщик Стив Мерц.

– Док, как он, мертв? – спросил Мерц.

– По мне, просто затаил дыхание, – сказал Калев. – Но вот номер с языком может заставить вас блевануть.

– Ради бога, – сказал Мэтт и вышел.

– Говорю вам, – сказал Калев, – парнишка начал раскисать.

Док не отреагировал. Наклонившись ближе, он разглядывал лицо Ната. На левом глазу копошился муравей. Док смахнул его, ухватил голову трупа и повернул.

– Шея сломана, верно? – уточнил Калев.

– Да. – Док пригляделся к синяку на шее Ната и глубокой рваной ране под ним.

– Думаю, работа пса, – сказал Мерц.

– Точно, – сказал Калев. – Тогда Фостер расплющил псу рыло, смял его в комок, засунул в бак, сам прыгнул следом вниз головой и сломал шею.

– Ну, – сказал Мерц, – пес же мог его укусить.

– Заткнитесь оба, ладно? – сказал Док. – Из-за вашей болтовни я не слышу собственных мыслей. Возможно, пес укусил уже мертвое тело.

– Оттого и шея сломана, – не унимался Мерц.

– Это смог бы сделать кто-то очень здоровый, – сказал Док. – По-настоящему могучий человек, чтобы так разделаться с псом. И кому не составило бы труда сломать шею Фостеру.

– Видал я раз черномазого, который бился на кулаках, вот он вполне смог бы, – сказал Калеб.

– В этих местах? – спросил Док.

– В Канзас-Сити, – ухмыльнулся Калеб.

– Я, кстати, рассчитывал избавить Мэтта от лишней работы. Так что, Калеб, сделай одолжение, прогуляйся. А то здесь все тобой провоняло.

Калеб снова оскалился и приподнял шляпу в шутливом приветствии.

– С удовольствием, Док. И я тебя не забуду.

– Надеюсь, в своих молитвах, – сказал Док.

Когда Калеб вышел, Мерц заметил:

– Не стоит задевать Калеба. Мерзкий тип, и злопамятный.

– Да пошел он.

Док еще раз внимательно осмотрел шею.

– Что мне не дает покоя – это рваная рана, – сказал он. – Подобную мог бы оставить безумец.

– Безумец?

– Мерц, доводилось видеть больных бешенством?

– Нет.

– Жуткая штука. Поражает мозг, больной одновременно не выносит света и мучается от жажды. И начинает кусаться, как собака. Притом безумие удешевляет силы.

– По-твоему, такой бешеный укусил Ната?

– Не утверждаю... Но на собачий укус это не похоже. Впрочем, сказать по правде, на человеческий тоже. Просто пытаюсь рассуждать вслух.

– Но если не человек и не зверь, кто остается?

Док ухмыльнулся:

– Зубастые растения.

– В общем, по-моему, это собака, – сказал Мерц.

– А если слушать Калеба – кто сплющил собаку и запихнул ее в бак, когда Нат был мертв? Но, исполняя свой замысел, некто невероятно сильный мог убить Ната следом за собакой. Мог свернуть Нату шею и укусить его, тем более одержимый бешенством.

– Думаешь?

– Просто рассуждаю вслух. Я составлю заключение о смерти. Скажем, сломанная шея, потеря крови. Обстоятельства смерти неизвестны.

Док надел шляпу и вышел.

(8)

Дэвид сделал все, как велел Преподобный: набрал коротких прутьев и поместил их вдоль дороги со стороны леса. Он воткнул каждый дюйма на два в почву, оставив торчать сверху три дюйма.

С того места, где через дорогу, спиной к деревьям, на другой стороне стоял Преподобный, расстояние для пистолетного выстрела было довольно велико, особенно по такой мелкой и смутно различимой цели.

Закончив приготовления, Дэвид присоединился к Преподобному, который держал револьвер в опущенной руке. Встав рядом, он не сразу сумел различить прутьики.

– Вы-то хоть их видите? – спросил Дэвид.

– Сынок, я еще не настолько одряхлел.

– А пуль нам хватит?

Преподобный взглянул на Дэвида.

– Их даже больше, чем нужно.

Запустив руку в карман сюртука, он достал две коробочки с патронами.

– Хватит для небольшой армии, но нам столько стрелять не придется.

– Вы, ребята, собрались стрелять или болтать, пока прутики не завянут? – Эбби собрала остатки пикника и сложила в повозку.

– Замечание по делу. – Преподобный улыбнулся Эбби.

«Боже, – подумал он, – я давно не был так счастлив».

Он с трудом отвел взгляд от Эбби, которая была великолепна – с руками за спиной и блестящими глазами наблюдая за происходящим.

– Ладно, сынок, – сказал Преподобный. – Это револьвер военно-морского образца, 36-го калибра, модель 1861 года. Переделанный из капсюльного под унитарный патрон.

– А не проще было купить новый? Папаша говорит, 45-й – штука что надо.

– Мне этот больше по вкусу. С оружием дело совсем не в калибре. А в том, в чьих оно руках.

Он медленно взвел курок, поднял револьвер и выстрелил. Один прутик пропал.

Так повторилось пять раз – и не стало еще пяти прутиков.

– Хорошая стрельба, – сказал Дэвид. – Но больно медленно.

– Я учу, как правильно стрелять, а не как быстро доставать револьвер.

– Но я и этому хочу научиться.

– Тогда воткни новые прутики.

Дэвид отправился исполнять поручение. Пока он был занят, Эбби и Преподобный молча смотрели друг на друга. Не было нужды говорить, когда им просто было хорошо.

Дэвид вернулся к Преподобному.

– Моя очередь?

– Почти. – Преподобный зарядил револьвер и заткнул его за кушак.

А потом выхватил. Дэвид едва успел разглядеть движение. Рука Преподобного словно расплылась в воздухе – и вот револьвер уже нацелен, взведен и грянул первый выстрел – и первый прутик исчез; курок снова взведен – второй выстрел, потом еще и еще, пока в воздухе не повисло облако едкого дыма. Все прутики были скошены под корень.

– Господи Боже! – сказал Дэвид.

– Сынок, следи за языком. В отличие от нас, Господь не такой уж любитель меткой стрельбы.

– Черт, вы не хуже, чем Дикий Билл Хикок.

– Пожалуй, лучше, – серьезно сказал Преподобный.

– А можно теперь я? Хочу попробовать.

– Пока только стрелять, без лихого выхватывания.

Дэвид кивнул. Тем временем Преподобный зарядил револьвер.

– А как же кобура? Наверное, она пригодилась бы, чтобы быстрее доставать? – спросил Дэвид.

– Это всё бульварные книжки. Хикок, например, носил кушак. Когда мушка спилена, – Преподобный продемонстрировал, что мушка плавно сглажена, – можно не бояться зацепа. Кобура имеет свойство захватывать револьвер. Кушак или просто ремень лучше – пойдешь приготавливать новые прутики.

Дэвид помчался за новыми мишенями. На сей раз он набрал целую горсть и воткнул прутики в ряд. Он пересчитал их – одиннадцать.

Бегом вернулся к Преподобному.

Преподобный протянул ему револьвер.

– Когда будешь готов, возьми покрепче и направляй точно палец. Целиться не нужно. Представь, как ты выпрямляешь палец и наводишь на мишень. Так ты вернее попадешь. Мягко нажимай на курок.

Дэвид поднял револьвер, взвел курок и выстрелил. Пуля попала в край дороги.

– Ты слишком старательно целишься. Нужно как бы слиться с револьвером. Он должен стать частью тебя, твоим железным пальцем.

– Можно засунуть его за ремень и выхватить?

– Разве что хочешь лишиться мужского достоинства.

Дэвид обдумал услышанное.

– Намеряете, я могу отстрелить себе хер?

– Вот именно.

Эбби прыснула.

– Простите, мэм, – сказал Дэвид. – Я совсем про вас забыл.

– Всё в порядке, – сказала Эбби.

Дэвид снова направил револьвер через дорогу, взвел и выстрелил. Он повторял это, пока барабан не опустел. Ни один из выстрелов не поразил цель, но они ложились все ближе.

Дэвид отдал разряженный револьвер Преподобному, добавив:

– Черт.

– Нужно время и терпение, – сказал Преподобный. – Раз за разом, взводя курок, ты привыкаешь к весу и тренируешь мускулы предплечья, пока револьвер не становится продолжением руки. – Он прицелился. – И пули вылетают будто из тебя, а не из дула.

Он перезарядил револьвер и засунул за кушак. Пусть наставляя Дэвида, Преподобный сознавал, что устроил демонстрацию отчасти для Эбби.

Он выхватил револьвер, на сей раз левой рукой, взвел – и выстрелил шесть раз подряд. Шесть прутиков исчезли.

– Ух ты! Вы лучше Дикого Била Хикока.

– Я же говорил, – подтвердил Преподобный.

Еще раз перезарядив, он сунул револьвер за кушак. Теперь он выхватил правой, выстрелил, перекинул револьвер в левую руку, выстрелил, вновь перекинул – и так, пока не скопил еще шесть прутиков.

Итак, двенадцать выстрелов – шесть с левой руки, шесть попеременно – и ни одного промаха.

Эбби захлопала в ладоши.

– Благодарю, мэм, – сказал Преподобный и обратился к Дэвиду: – Глянь-ка, как близко к земле я их срезал.

Дэвид помчался через дорогу.

Все двенадцать прутиков были ровно срезаны у самой земли.

Двенадцать?

Он отчетливо помнил, как воткнул одиннадцать.

Не беда, Преподобный сам отыскал двенадцатый. Но, нагнувшись рассмотреть прутик поближе, Дэвид обнаружил, что тот сильно отличается.

Он разгреб землю и, поняв, что это такое, завопил:

– Преподобный! Скорее сюда.

(9)

Убрав револьвер, Преподобный быстро пересек тенистую лесную дорогу. Эбби спешила следом. Оказавшись рядом с Дэвидом, он присел на корточки, разглядывая прутик.

Это оказался совсем не прутик.

А грязный человеческий палец, отстреленный у первого сустава.
Преподобный разрыл землю вокруг, и вскоре показалась рука. Он стал рыть дальше.
Еще немного – и открылось грязное обезображенное лицо с повязкой на глазу. Повязка, впрочем, сползла: пустая глазница была забита грязью и мхом, где извивался червяк.
– Билл Нолан! – воскликнул Дэвид. – Пропавший кучер.
Преподобный продолжал откапывать.

Когда все тело оказалось на виду, он попросил:
– Дэвид, принеси из повозки одеяло.
Дэвид пошел.
Эбби присела рядом с Преподобным. От трупа волнами расходилась вонь.
– Везет нам сегодня на мертвецов. Что с ним стряслось?
– Не знаю. Но кто-то хотел спрятать тело.
Вернулся Дэвид с одеялом. Преподобный расстелил его рядом с Ноланом, потом они с Дэвидом взяли труп с двух сторон и переложили, завернув края так, чтобы ничего не торчало наружу.
– Ладно, Дэвид, – сказал Преподобный, – давай отнесем его в повозку.
Тело оттащили и положили с краю, поверх кольев для палатки, после чего оно с Дэвидом по соседству, а Эбби с Преподобным впереди двинулись обратно в Мад-Крик.
Рука трупа выскользнула из-под одеяла под солнечные лучи. От мертвой плоти заструился дымок. рука медленно заползла обратно.
Никто из живых этого не заметил.

(10)

Нолана отвезли к гробовщику и вызвали доктора.
– Счастлив видеть вас снова, – сказал Док Преподобному. Тот кивнул.
– Па, тебе понадобится моя помощь? – спросила Эбби.
– Управлюсь сам. Побудь с Преподобным и Дэвидом.
Оставив компанию в передней, Док вместе с Мерцем пошли осматривать тело. Оно лежало на столе, рядом с начисто обмытым и уложенным в лохань со льдом банкиром.
Док покосился на лохань.
– Чтобы не портился, – пояснил Мерц. – Для похорон придется ждать завтрашнего вечера: мало желающих прийти, некоторым нужно заплатить.
– Думаю, он может себе это позволить, – сказал Док.
Он осмотрел Нолана. У того была расплюснута кисть и на шее – отметина от укуса. Док нахмурился.
– Глянь, совсем как у Ната, верно?
– Вроде того, – сказал Док.
Он обошел тело, по пути удаляя остатки одежды. Закончив, вымыл и насухо вытер руки.
– Итак, – спросил Мерц, – причина смерти?
– Потеря крови.
– От этой раны? Она, конечно, серьезная, но не настолько.
– Тем не менее. – Док надел сюртук и вышел. Мерц по-приятельски похлопал Нолана.
– Старееет Док, – заметил он.

Мерц подобрал с пола одежду Нолана и проверил на предмет оставшихся ценностей. С Натом он неплохо поживился, раздобыв кольцо и серебряный доллар. А еще бумажник – пустой, но очень хороший. Не иначе, Калек успел опустошить бумажник раньше него.

Что ж, кто-то теряет, а кто-то находит.
Мерц приступил к работе.

(11)

Док вошел со словами:

– Понимаю, после осмотра мертвого тела прозвучит странно, но я проголодался. Отправимся домой перекусить. Дэвид, идешь с нами?

– Нет, сэр, мне пора драпать. Как бы папаша недосчитался меня в конюшне к концу дня. Преподобный, я отнесу колья в лавку.

– Папаша не будет против? – спросил Преподобный.

– Нет, если вы заплатите за хранение.

– Логично, – сказал Преподобный. – Ладно, так и быть.

У дверей Дэвид обернулся:

– Преподобный, можно вас на минуту?

Они вышли на улицу.

– Я только хотел сказать, – замялся Дэвид. – Сегодня я очень здорово провел время.

– Как и я.

– Без мисс Эбби все было бы не так здорово. Вам бы ее зацепить.

– Дэвид, она не рыба.

– Вы понимаете, о чем я.

– Ладно, подумаю. Но решать ей.

– Спасибо за урок стрельбы.

– К твоим услугам. Хорошо, что мы не стали пробовать Эбби как мишень, верно?

– Ага, – ухмыльнулся Дэвид. – Правда, мне по размеру она сгодилась бы лучше, чем прутик.

– Все дело в тренировке.

Они обменялись рукопожатием.

Дэвид забрался в повозку, присвистнул и покатыл к кузнице.

(12)

Жилье Дока и Эбби примыкало к лечебнице. Дом был простой, но милый.

Эбби подала бобы, лепешки и кофе. Поев, они перебрались в кабинет Дока. Кабинет, который соединялся непосредственно с лечебницей, был битком набит книгами и пропах сигарным дымом.

Все расселись вокруг письменного стола, и Док начал:

– Не знаю, хочу ли это рассказывать, но после целого дня размышлений и обращения к книгам я должен с кем-то посоветоваться. Вы, Преподобный, как служитель Божий, имеющий дело с бессмертной душой, подходите, по-моему, как нельзя лучше. Возможно, стоило пригласить и Кэлхауна – только он идиот. Так что пусть все останется между нами тремя. Дочь моя решила, что я рехнулся, но, так или иначе, ей приходится с этим мириться. Но вы, Преподобный, человек особенный. Служитель Божий и в то же время реалист. – Док кивнул на револьвер. – А мне сейчас нужен именно такой – сведущий не только в людских душах, но и в житейских реалиях. Преподобный, вы верите, что мертвецы могут ходить?

– Что? – воскликнула Эбби.

Док не отреагировал. Его взгляд был прикован к Преподобному. Застигнутый врасплох, тот наконец ответил:

– Как правило – нет.

– Я серьезно, – сказал Док.

– А я было... Хорошо. Полагаю, мертвые могут ходить. В определенных обстоятельствах. Лазарь пошел, будучи умершим. Умершим и погребенным. – Я говорю об оживших мертвецах. Не о воскрешенных.

– Па? – сказала Эбби. – Ты совсем сбрендил?

– Возможно.

– Так вы о Носферату? – сказал Преподобный. – Упырях? Зомби?

– Значит, вы поняли, куда я клоню?

– Не совсем, но мне случалось читать предания.

– Хорошо, пойдем напрямик. Человек, упавший на улице, умер раньше, чем это случилось.

Тишина повисла словно гирия.

– Папа, – произнесла Эбби. – Это невозможно.

– Я полдня твержу себе о том же. Но, исследовав тело – останки – под микроскопом и взяв несколько проб... Мертвая гниющая плоть. На солнце гниение ускорилося, но, говорю вам, тот человек уже был мертв. Это подтвердило и обследование внутренних органов.

– Мертв. А солнце ускорило гниение. Должен признаться, Док, верится с трудом.

– Преподобный, я не шарлатан, и в своем уме. Парень был мертв до того, как упал. Солнце растопило его плоть будто масло. Подобных болезней просто нет.

– Возможно, это первый случай, – сказала Эбби.

– Если считать оживление мертвеца болезнью, то конечно. Выслушайте меня оба. Преподобный, я читаю в ваших глазах, что мои слова для вас не пустой звук. В этом городе творится что-то, пронизывающее насквозь, как холодный зимний ветер. Попробуйте возразить.

– Не могу, – сказал Преподобный. – Здесь вправду что-то назревает, и я как-то к этому причастен. Господь направил меня сюда, но не знаю зачем. Однако живые мертвецы, упыри? Вампиры?

– Позвольте, Преподобный, я кое-что расскажу о Мад-Крике. Город проклят, и боюсь, все и вся здесь погибнут, как изъеденный жуком помидор.

– Едва увидев вас, Преподобный, я тут же понял, что вы часть того, что происходит. Не знаю как – просто понял. Вы точно последний ингредиент в похлебке, стручок жгучего перца. Город обращается в тлен, а виной тому – индеец и его женщина.

– Па, – сказала Эбби. – Забудь.

– Нет. Я не могу забыть. Вот послушайте. Я расскажу, что знаю, а судить вам. Если, выслушав, вы сочтете меня безумцем и захотите поскорее отделаться от меня – я пойму. Если же, поверив мне, Преподобный, вы решите оседлать коня и скакать отсюда без оглядки – я и это пойму. Но дайте прежде рассказать. И если потом рассудите, что в моей голове конский навоз, и убедите меня в этом, – так я, по правде сказать, ничего не желал бы сильнее.

Открыв ящик письменного стола, Док достал бутылку виски и три стопки. Эбби и Преподобный отказались. Док кивнул и налил себе.

– Поможет развязать язык, – сказал он и начал.

Глава пятая

История доктора

С месяц назад в город прикатила эта повозка, вся расписанная яркими красками. Красные, желто-синие и зеленые змеи сплетались в кольца по бокам. А сверху черным шла надпись: «ЗНАХАРСКАЯ ПОВОЗКА». Правил индеец, возможно метис, с примесью негритян-

ской крови, трудно судить. Подобных ему я прежде не видел. В плечах он был шире любого известного мне человека, а ростом – под семь футов.

С ним была женщина. Цветная, а сказать точнее, зазывала. Надо заметить, очень привлекательная. Но индеец и цветная в этих краях вмиг настроили против себя многих. Не будь они такой диковинной парой, а жизнь в городе – такой унылой, им пришлось бы сбежать в первый же день.

Негритянка читала судьбу по ладони и все такое. Индеец делал снадобья – не те, что бывают у странствующих шарлатанов, а как настоящий целитель. Как бывает, когда человек, берущий ваши деньги, старается дать что-то взамен. Ну и продавали вдобавок всякую ерунду – вроде любовных эликсиров и амулетов. Но главным образом – лечебные снадобья. Они здорово расходились, и скажу почему. Не по той причине, что вы думаете, как если бы разбавлять виски толикой уксуса и сахара. Эти снадобья действительно исцеляли.

Не стыжусь признаться, что я был раздосадован. Я опытный доктор. Конечно, лишь сельский костоправ, но далеко не новичок. А индейцу удавалось такое, о чем я и подумать не мог.

Старая миссис Джеймисон годами страдала от недуга: ее узловатые руки походили на старую борозду, суставы воспалялись и напухали, иногда до такой степени, что кожа трескалась. Я испробовал все известные средства, но в лучшем случае удавалось облегчить боль на короткое время, чтобы совладать с приступом, пока не случится новый. Со временем приступы случались все чаще, и бедная женщина едва могла распрямить пальцы. Они стали напоминать скрюченные птичьи когти.

Когда в городе появился индеец и разнесся слух о его чудодейственных снадобьях, лечивших все – от прыщей до хрипов в груди, – она отправилась к нему и приобрела какую-то целебную мазь. До сей поры некоторые случаи исцеления вызывали мое удивление, но я ни разу не был свидетелем чуда. Бедная миссис Джеймисон натерла целебной мазью свои старые руки, и боль ушла. Тогда она явилась ко мне продемонстрировать результаты. Полагаю, заодно позлорадствовать и ослабить меня как врача. Однако крыть мне было нечем. Болезнь не только осталась, но повернула вспять, и рукам начали возвращаться прежние свойства. За неделю втирания состава, полученного у индейца, они стали подобны рукам двадцатилетней девушки. Абсолютно здоровые, гибкие, мягкие и красивые. Если бы Эбби и миссис Джеймисон положили руки рядом, то старухины оказались бы привлекательнее.

Короче говоря, индеец и его негритянка вскоре сделались едва ли не святыми, и общественное мнение к цветным сильно смягчилось. Разве что Калек с прежним пылом ненавидел всех, кто не принадлежал к белой расе. Он, впрочем, не страдал от каких-либо недугов. Всегда был здоров как осел, а мозги под стать.

Остальным парочка с каждым днем казалась все белее, никто не возражал против стоявшей на окраине повозки.

Поскольку почти всегда у кого-нибудь что-нибудь да болело, их дела шли в гору. Ко мне уже обращались только с разной ерундой, вроде занозы в пальце, а в серьезных случаях шли к индейцу. Меня это сильно злило. Прожив всю жизнь в таком городишке, где принимаешь роды, видишь смерть стариков и постоянно лечишь людей, – временами начинаешь кое-что о себе мнить.

Я отправился поговорить с ними и поблагодарить за все, сделанное для города, но индеец видел меня насквозь. Он догадался, что я пришел из любопытства и, возможно, надеясь проникнуть в его знахарские секреты. Конечно, так оно и было.

От того, как он говорил со мной и улыбался, я чувствовал себя униженным и полным болваном. Ну а женщина – признаться, мне немного стыдно говорить об этом в присутствии Эбби – я чувствовал к ней влечение. Она была не просто смазливой, а неповторимой. Высокая, с кожей цвета кофе со сливками и волосами, заплетенными в индейские косички. С пронзительно-голубыми глазами, каких мне не доводилось видеть. Они притягивали будто магнит. А

фигура такая, что даже в мои годы я почувствовал зуд – прости, Эбби, – который уже не чаял испытать. Меня это встревожило. Видимо, из-за вины перед памятью твоей матери. Я ушел и больше туда не ходил. Не хотел, чтобы индеец разглядывал меня с превосходством, не хотел видеть холеную негритянку и сознавать, что она никогда не будет моей.

В ту ночь она не переставала мне сниться, и можете представить, в каких снах. Я любил ее с таким пылом – Эбби, прости мне эти подробности, но я должен полностью выговориться, – что сердце готово было лопнуть в ее объятиях. Я проснулся, обливаясь потом, с чувством стыда перед покойной женой – благослови Господь ее душу.

Вам я все рассказываю для того, чтобы объяснить, какой они были впечатляющей парой.

В общем, они пробыли здесь неделю или чуть больше, когда пошел дождь. Из тех, что могут зарядить на много дней. Поначалу все радовались. Посевы нуждались в дожде, да и ночи стали гораздо прохладнее. Однако скоро это обернулось напастью. Улицы превратились в грязные потоки, а дождь все не переставал. Люди стали подхватывать всякую летнюю хворь и, разумеется, кидались за помощью к индейцу, который никому не отказывал, – и тут заболела девочка Уэбба.

Я помню, как впервые услышал об этом. Тогда я почти забросил практику. Эбби околачивалась здесь на случай, если кому-то потребуется вынуть занозу или вроде того, а я стал все чаще наведываться в салун опрокинуть стопку. Куда чаще, чем раньше. Скажу вам, я чувствовал, как превратился из маленького бога с черным саквояжем в бесполезного старика, не способного предложить замену самому варварскому лечению. Считайте, что я спятил, не раз снимал с крючка на стене дробовик, прикладывал дуло к подбородку и думал нажать курок пальцем ноги. Когда человек становится никому не нужен, тем более состарившись и лишившись надежды начать новое дело, в голову приходят мысли избавиться от лишних хлопот.

Однако здравый смысл, надо думать, победил, и, разумеется, я не мог забыть Эбби. И потом, они должны когда-то уехать, рассуждал я, а там люди вернутся ко мне, и я постепенно восстановлю статус маленького полубога.

Я выпивал у стойки, когда явился Дэвид Уэбб, на которого было жутко смотреть. Весь заляпанный грязью, лицо осунулось. Казалось, он вот-вот рухнет.

От привычек семейного доктора избавляться не просто, и я поспешил заметить, что выглядит он неважно. Он ответил, что все из-за Гленды, которая заболела, и ей становится все хуже.

Я, понятно, предложил осмотреть ее, но в ответ на его лице появилось странное выражение: он напомнил собаку, которой дали пинка, и она забилась под крыльцо.

– Знаете, Док, – сказал он, – я прикинул, что индеец лучше с этим справится. – Тут он увидел кого-то, с кем срочно хотел поговорить, а я вернулся к своему занятию.

Той же ночью, вскоре после двенадцати, в мою дверь забарабанили; я вышел и увидел Дэвида с женой, на руках он держал маленькую Гленду, висевшую словно кухонная тряпка. Повидав достаточно мертвецов, я с первого взгляда понял, что помощь опоздала, но впустил их и попытался что-то сделать, хотя все было бесполезно. О той ночи я лучше всего помню, как он рыдал.

Выходило, он понес индейцу ребенка с инфекцией в легких, вероятно пневмонией, а тот продал снадобье, приняв которое там же, девочка вскоре, когда вернулась домой, умерла. Тогда они кинулись ко мне. Как я определил, смерть наступила около двух часов назад: время, которое понадобилось, чтобы добраться до города от места, где они жили.

В общем, Уэбб потерял рассудок. От меня он метнулся в салун, а там хватало пьяных и полупьяных, которым не надо было много, чтобы завестись. Как по волшебству возник Калейб, и сразу завопил о заговоре цветных; стала собираться толпа. Все хорошее, что было сделано, вмиг было забыто. Все чудеса исцеления одна мертвая белая девочка для толпы обратила во зло.

И, хуже всего, именно той ночью индеец собрался уехать. Получалось, девочку отравили намеренно и теперь заметали следы. Так, по крайней мере, представлялось обезумевшей толпе. Пару догнали и вытащили из повозки – после того, как индеец сломал шею Кейну Лейвелу и челюсть Баку Уилсону. Как я слышал, чтобы совладать с ним, потребовалась дюжина мужчин, с дубинками, пистолетами и прочим. Женщину избили, а повозку сожгли.

Но тут вмешался Мэтт. Узнав, что собирается толпа, он поскакал следом и выстрелом в воздух заставил себя слушать. На время ему удалось всех образумить и отвезти пленников в тюрьму, под защиту закона.

Только Калев легко не отступался, а Уэббу закон был не указ – он жаждал ока за око, так что толпа собралась заново и двинулась к тюрьме за индейцем и негритянкой.

Мэтт пробовал защитить их, но духу не хватило. Не знаю как, но Калев имеет над ним власть. В итоге Мэтт сдался, и индейца с женщиной увели. Бросили в повозку и отвезли за город.

Прошу заметить, я рассказываю с чужих слов, в этом месте история становится особенно туманной – по-моему, многие стыдятся содеянного и предпочли бы все скорее забыть, но не могут. Вот и я думаю: знай точно, что происходит, взял бы со стены дробовик и побежал туда, чтобы остановить их. Так я себя, по крайней мере, убеждаю.

Калев с прочими оттащили женщину в кусты и надругались над ней, отрезали груди и уши; пытали, чтобы кричала громче, а индеец в телеге, связанный по рукам и ногам, всё слышал. Поверьте, не все жители хотели бы этого, но те, кто был там, уже ввязались, и никто пальцем не шевельнул, чтобы удержать Калева. Их увлек ураган толпы.

Когда женщина умерла, настал черед индейца. Что осталось от нее, швырнули к нему в повозку, и Хайрем Вейланд – от кого я узнал большую часть истории – говорил, тот даже не зажмурился. Просто смотрел на тело и толпу, будто превратился в лед.

Его оттащили к большому дубу, посадили на лошадь и накинули на шею петлю. Он только смотрел. – Мы не сделали вам зла, – сказал индеец.

Тут Уэбб зашелся о своей дочери и как ее отравили, а индеец:

– Она не умерла. Моя женщина умерла, твоя дочь – нет.

Уэбб, уверенный в обратном, проклинал его на все лады, а индеец в ответ проклинал Мад-Крик со всеми обитателями. Как сказал Хайрем, когда он начал, все затихли, кроме сверчков, которые стрекотали все громче, будто хор за его голосом. А индеец сказал, что обладает силой и покончил с их бледной стороной, а сейчас взывает к темной. Город, сказал он, будет страдать, его слова тому порукой.

Затем индеец стал читать заклинания. Хайрем говорил, что ни слова не понял, даже зная несколько индейских наречий и креольский, но тот язык был другим. Как он посчитал – африканским или еще каким. Но он запомнил несколько слов и передал их мне, надеясь, как он сказал, что я знаю их смысл, поскольку слова засели у него в голове. И еще он помнил, что, едва индеец произнес эти слова, поднялся ветер, дождь полил сильнее и ударил гром.

Слова не были индейскими. Мне не известен их источник, но я их узнал. Они встречались в нескольких книгах, из тех, что собраны здесь. «НЕКРОНОМИКОН», «ТАЙНЫ ЧЕРВЯ» и «БЕЗЫМЯННЫЕ КУЛЬТЫ». По сути, все относится к созданию, известному как Вендиго – нечто вроде живого мертвеца, вампира или упыря. Или их помесь. В книгах сказано, что заклинания призывают в тело умершего колдуна демона, единственная цель которого – месть. Демон живет лишь ради мести. И мертвое тело, куда он вселился, обретает невиданные для человека силы, тогда как душа отправляется прямоком в ад.

Потом, сказал Хайрем, заклятие распалось. Уэбб подскочил и хлестнул лошадь, та рванулась вперед, а индеец повис. Он даже не корчился – в один удар сердца был мертв. Сверчки разом смолкли, и буря утихла. Но мгновение спустя налетела снова. Ветер ломал сучья, срывал

листья, дождь хлестал будто картечь. Молния ударила с небес прямо в тело индейца – и все стало белым.

Когда зрение вернулось ослепшим глазам, индейца не было – молния унесла его в ад. Только дымилась веревка, ветер колыхал петлю, и здоровый паук или что-то вроде него взобрался по веревке в крону и пропал.

Тут Хайрем смекнул, что перед ними – не просто сумасшедший. Тот паук был совсем как нарост на теле, замеченный Хайремом, когда он тащил индейца из повозки. В первый момент он решил, что на груди у того здоровенный паук, а потом разглядел, что это большое родимое пятно – волосатое, с очертаниями паука. Вернее, со слов Хайрема: «...существа, по виду схожего с пауком».

Когда все кончилось, Хайрем прибежал ко мне. Он был сам не свой от раскаяния. Говорил, что напился и поддался порыву толпы. После другие говорили мне о том же. Разумеется, это не оправдание, но хоть что-то.

Хайрем рассказал, что тело негритянки бросили на обочине проезжей дороги и что это мучает его. Пусть мертвым не помочь, но хотя бы похоронить ее достойно.

Так что сели мы в повозку и поехали. Буря к тому времени совсем разыгралась – на расстоянии вытянутой руки ничего не разглядеть. Тело искали долго, но нашли. Преподобный, с нее содрали кожу. Прямо как с белки. В повозке оказался старый ящик от плуга – туда мы ее и поместили. Отнесли в лес и закопали. Под проливным дождем и с разными корнями, что пришлось обрубать, совсем замучились. Но мы хотели убедиться, что тело не потревожат. Калерб, выпив как следует, вполне мог вернуться, чтобы забрать тело и повесить где-нибудь в городе. Как сказал Хайрем, он уже повесил уши на кожаном ремешке себе на шею и похвалялся, что сошьет кисет для табака из грудей.

В общем, когда все было кончено и мы вернулись в город – узнали, что Гленда жива.

Индийское снадобье сработало. Она умерла и затем воскресла, уже здоровая. Либо так, либо ее принесли ко мне в глубочайшем кататоническом ступоре, но я не такой плохой врач, чтобы этого не заметить. Преподобный, говорю вам: девочка умерла, и это часть процесса исцеления. Но прежде чем она излечилась, индейца вздержули.

Вот тут Уэбб запел по-другому. Индийское проклятие стало для него реальным. В ту же ночь они собрали вещи и всей семьей сбежали из города. Даже сквозь сильный ливень я видел их отъезд и могу поклясться, что девочка была жива. Она сидела в повозке с мамашей и держала над ними зонтик. Помню, как я подумал: «Как бы ей опять не подхватить пневмонию». А после – что индийское снадобье могло излечить ее навсегда.

Наутро позади салуна нашли труп Хайрема. Рука крепко сжимала охотничий нож, которым он располосовал себе горло от уха до уха.

Затем пропал дилижанс с пассажирами. Сегодня вы видели, как человек развалился на улице, точно слеplенный из промокшей бумаги. И еще банкир Нат. Его обнаружили на задках Молли Макгуайр с разорванным горлом и переломанной шеей. Теперь – Нолан. Та же рваная рана на горле. Сильная потеря крови, но на трупах почти нет следов крови. Вернее, в случае с Натом немного крови было там, где его нашли. Не знаю, как было с Ноланом, но вряд ли по-другому. Или вы не заметили? Ладно, не важно.

Да, еще ребенок несколько дней назад. Смерть от естественных причин, но на пояснице маленькая ранка – конечно, не такая, чтобы истечь кровью – лишь пара капель на простынях. Тогда я посчитал это за случайный укол булавкой от пеленок.

Все вместе отвечает тому, как, судя по книгам, действует демон – преследует врагов, словно вампир, пока все не сгинут. Равно и всех, кто встает у него на пути. Но и этого бывает мало. Демон может пожелать остаться в мертвом теле, насколько угодно.

Теперь, прежде чем вы скажете, что я помешался, позвольте добавить последний штрих к рассказу. Хотя это уже относится к сновидениям.

Мне снова приснился тот же сон – обо мне и негритянке – только сейчас все было натуральнее и по-другому. Так натурально, что я чуть не задохнулся.

Я проснулся и сел – окно было прямо передо мной – и через щель в занавесках увидел ЛИЦО, прижавшееся носом к стеклу. Было темно, черты лица расплывались, но это был индеец, смотревший так же, как в тот раз, когда я приходил к ним поговорить. С пронизательностью и превосходством. Взгляд точно говорил: «Ну что, нравится сон, который я тебе послал?»

Так вот. Сон был тот же, с одной разницей: я занимался любовью с ее ободраным трупом – таким, как в ночь, когда мы с Хайремом ее похоронили.

И как, по-вашему, в своем ли я уме?

Глава шестая

(1)

– Не думаю, что вы спятили, Док, – сказал Преподобный. – Но я был бы лжецом, сказав, что принимаю все на веру. Вы явно убеждены в том, что говорите, но можете сильно ошибаться.

– Папа, – сказала Эбби, – я верю, ты видел лицо в окне – только оно могло быть частью сна. Ты винил себя в том, что случилось, – возможно, думал, что смог бы остановить толпу. А что до влечения к женщине, оно вполне здоровое. Но ты убедил себя, что должен хранить верность маме и после ее смерти, а во сне ты будто оскверняешь ее память. Последний сон об утехах с трупом соединил обе твои вины.

Док слегка покраснел.

– Допускаю, такое возможно.

– И еще, – сказал Преподобный, – вам может не давать покоя прежняя зависть к талантам индейца. А в глубине души вы можете считать, что так ему было суждено. Такие мысли всем приходят в голову. Вы попусту терзаетесь, Док.

А про себя он подумал: «Вот мне как раз есть за что терзаться».

– Все равно это не объясняет сходство ран у Фостера и Нолана. И человека на улице.

– Ладно, Док. Будем считать, что все правда. Как нам быть?

– Точно не скажу. Но все больше склоняюсь к тому, что дело не в моем воображении. Уверен, проклятие существует, и, если существует способ избавиться от него, – Док махнул рукой, – нужно искать в этих книгах.

Все трое какое-то время молчали.

– Черт, – сказал наконец Док. – Чувствую себя болваном. Естественно, вы правы.

Он налил новую стопку и залпом выпил:

– Все это лишь в моей голове.

(2)

Преподобный и Эбби вышли в переулок.

– Извините папины чудачества, – сказала Эбби. – Как мама умерла, он сам не свой.

– Не нужно извинений. Ваш папа, по-моему, очень обаятельный. – Раз уж Эбби начала оправдываться, он не стал добавлять о подозрениях по поводу того, что Док что-то обнаружил.

– Может показаться неприличным, но я хотела бы увидеть вас снова.

– Увидите.

Она взяла его за руку. В следующий миг она оказалась в его объятиях, и их губы слились. Он не ожидал, что будет так хорошо.

После поцелуя Преподобный выглядел взволнованным, даже смущенным.

– Что, Джеб, не подобает сану?

– Священник не должен целоваться с красавицами в переулке.

Она улыбнулась.

– Не забудь, ты обещал увидеться.

– Завтра. – Они поцеловались еще раз, и он быстро распрощался.

(3)

Док догадывался о взаимном влечении Преподобного и Эбби, но не волновался на этот счет. Напротив, был рад. Преподобный казался достойным человеком, пусть несущим печать скрытых терзаний. Он не знал каких, но мог это понять. После индейца он носил такой же шрам.

Однако списывать все на чувство вины не годилось. Он не собирался разом отречься от своих суждений. Мад-Крик проклят.

Этим вечером он не стал возвращаться в лечебницу. Никаких срочных дел там не было. Он сел перелистывать книги и делать заметки. То, что он обнаружил, прибавило опасений.

(4)

Вернувшись в отель, Преподобный раскрыл Библию на Откровении Иоанна Богослова. Капли крови не исчезли, – значит, тогда он не спал.

Он подошел к окну и выглянул наружу. Наступал вечер. До заката, пожалуй, не больше часа.

Он сел на кровать и стал чистить револьвер. Потом зарядил все шесть патронов и проверил, достаточно ли их осталось в карманах сюртука. Сам не зная зачем.

(5)

Едва начало темнеть, как Джо Боб Райн отправился домой, наказав Дэвиду закончить дневную работу и среди прочего – затащить на сеновал старую упряжь.

Прежде сеновал не был для Дэвида чем-то особенным. Но в последние дни, пусть это пришло в голову только что, мысль подняться туда вызывала тревогу. Теперь он даже жалел, что отца нет в конюшне, – при иных обстоятельствах он и подумать о таком не мог. Обычно рядом с отцом он напрягался, не зная, когда тот рассвирепеет и даст взбучку, – хорошо, если только на словах. Будь отец в лавке, думал он, мысль забираться по лестнице с упряжью не нагоняла бы страху. Но одному в сгущающихся сумерках было очень неудобно.

Лошади тоже беспокоились – уже несколько дней. Они фыркали, таращили глаза и не поддавались уговорам. Папаша считал, что дело в погоде. Из-за нее, мол, капризничают.

Может быть. Только на памяти Дэвида они так себя не вели. Они не очень-то капризничали – скорее были напуганы.

Стоило поднять глаза на сеновал, и он будто чувствовал чей-то пристальный взгляд и еще что-то – слово само пришло на ум – ЗЛОВЕЩЕЕ.

Полная ерунда, но именно это он чувствовал. Зло на сеновале.

Нелепица какая-то. Самыми злыми созданиями на сеновале были крысы. И ничего больше.

Повторив себе это дважды, он глубоко вдохнул, подхватил упряжь и направился к лестнице.

Чем выше он взбирался, тем сильнее наплывало сознание нереальности происходящего. Точно он знал, что кто-то притаился у самого края сеновала и ждет, чтобы наброситься на него. В голове возник образ огромной руки, хватающей его за макушку, отрывающей от ступенек и словно щенка швыряющей вниз. Еще шаг – и ему показалось, что сверху донесся скрип. Так скрипят ржавые петли. И запахло падалью. Может, там дохлые крысы?

Снова скрип.

Он замер.

Сейчас все звуки стихли. Но запах усилился. Почти невыносимый.

Еще одна ступенька – и он заглянул на сеновал.

Там лежал старый ящик для плуга. Весь в земле, будто выкопанный из могилы. И на мгновение ему показалось, что крышка слегка шевельнулась – как если бы кто-то спрятался внутри и быстро ее закрыл.

Он понял, что не может глотнуть. Этого ящика он не помнил.

Оставалось подняться на несколько ступеней и выбраться на сеновал. Потом пройти наискосок через кучи сена и закинуть упряжь на крюк в стене. Всего-то.

Только он не мог.

Даже если папаша отхлещет его вожжами – он не мог. Просто не мог двинуть ногой. Его сковал холод, как в середине зимы. А главное, он был напуган, как бывает, когда знаешь, что рядом свернулась готовая ужалить змея, но не можешь ее разглядеть.

Дэвид скинул с плеча упряжь, с размаху швырнул как можно дальше и стал спускаться. На полпути он вновь услышал скрип и остановился.

Взглянув наверх, вроде бы различил сквозь щели между досками неясные очертания лица и горящие глаза.

Он кубарем скатился вниз, вылетел из конюшни и захлопнул двери. Просунул в дужки замок и, опершись на широко расставленные руки, отдышался.

Приложив ухо к дверям, он долго слушал. Кроме знакомых звуков от лошадей – ничего.

Он вспомнил глаза. Какая глупость! Наверняка крыса. Значит, отмыкаем замок, идем назад и вешаем упряжь, как надо. Именно так – чтобы избавить себя от папашиной порки.

Но день быстро угасал, и в конюшне уже совсем темно. Даже просто заставить себя войти было выше его сил.

Он поспешно зашагал к дому.

(6)

Тьма не до конца размотала свой полог, но пальцы теней уже стискивали город, медленно сжимаясь в кулаки.

И ночные странники подобрались вплотную.

На конюшне лошади дрожали, ворочая выпученными глазами от сеновала к лестнице, пока фигура – с очертаниями, изменчивыми как вода, – спускалась вниз.

(7)

Поглядев на темноту за окном, шериф запер двери конторы. Он надел новую шляпу и сел за стол, спиной к зарешеченному окну, достал виски и стакан, налил изрядную порцию.

Сегодня ночной обход отменен. Без вариантов. Вероятно, и все последующие. Он думал уехать. Например, в Западный Техас или в Оклахому. Главное – убраться из Мад-Крика, и побыстрее. Он налил новую порцию. Следом еще одну.

Проклятье. Он даже напиться не способен.

(8)

Для Джима и Мэри Гласс услышать с улицы голос внучки было поистине чудом. С ее смертью уже смирились.

Они как раз думали, как известить дочь и ее мужа. Посылать письмо или телеграфировать не годилось, но кому охота ехать в Бюмонт и объяснять, глядя в глаза, что девочка пропала в дороге?

Винили они себя. Им пришло в голову предложить отправить девочку в гости в дилижансе, а после и дилижанс, и девочка считались пропавшими. До этой самой минуты.

Детский голосок, по которому они сразу узнали Миньон, звал из-за двери. Они наперегонки бросились открывать.

Мэри оказалась первой.

Снаружи, в густеющих сумерках, в немыслимо грязных лохмотьях, стояла Миньон. В одной руке, крепко сжимая матерчатое горло, она держала куклу. – Бабушка, – голосом холодным и пустым, как первое дыхание зимы, сказала девочка.

– У нее что-то с глазами, – сказал Джим, тем временем Мэри распахнула объятия. Миньон пружиной метнулась навстречу – и ее зубы вонзились в бабушкино горло, как горячий нож в масло.

Мэри вскрикнула. Кровь хлестнула фонтаном, и она рухнула навзничь на крыльце, зажимая рукой шею.

Девочка отцепилась от бабушки и бросилась на Джима. Детские ручонки обхватили его правую ногу, зубы нацелились в промежность, терзая одежду и плоть, как стгнившую парусину.

Джим оторвал ее от себя и швырнул на пол.

Одного взгляда хватило понять, что жена мертва. Кровь ручьями струилась по ее шее. Глаза полностью закатились.

Он сделал два неверных шага, ухватился за вешалку для шляп, чтобы не упасть, и повернулся к внучке.

Та по-кошачьи шустро шмыгнула к нему. Одной ногой уперлась ему в колено, отбросила куклу и вскарабкалась выше. Ручонки обвили его затылок.

– Поцелуй дедуле, – сказала она и, сомкнув челюсти, изогнув шею, разорвала ему горло.

Джим рухнул на пол. Последним усилием он попытался оттолкнуть девочку, но тщетно. Он слышал, как ее язык быстро снует между его зубов. Потом все звуки исчезли.

Когда Миньон насытилась, на лице Джима почти не осталось плоти.

Еще несколько мгновений – и он, безлицый, встал. Зубы, похожие на кусочки сахара в томатном пюре с глазами, несколько раз щелкнули. Он был голоден.

Поднялась и Мэри. Ее голова свешивалась набок, платье с одной стороны было ярко-красным.

Она вышла в дверь, к городу и к живым людям.

Джим направился следом.

Миньон подобрала куклу и пошла за ними.

Дедушка, бабушка и внучка отправились на ужин.

(9)

Как только стало темнеть, Буэла слышала пение. Пели фальшиво, и приглушенный звук доносился снаружи, но она узнала голос.

Ее сестра, Милли.

С лампой в руке Буэла вышла из дома.

– Милли, господи, это ты?

В ответ только пение – точно умирающая птичка в колодце.

– Милли, я здесь. Где ты?

– Голодная, – произнес голос Милли. – Я очень голодная.

Теперь Буэла сообразила. Голос доносился из погреба. Но там давно ничего нет, кроме воды.

Внезапно Буэлу осенило. Милли заблудилась. С дилижансом случилось что-то ужасное, и Милли заблудилась. Теперь она помешалась от голода и прячется в погребе. В тухлой воде.

Буэла подоткнула юбки и кинулась к погребу.

– Дорогая, сейчас я тебя накормлю. Немного потерпи. Я тебя накормлю.

Буэла рывком открыла люк в погреб.

Пение стихло. Только глухая чернота. Змейки страха проползли по ее спине.

– Милли?

Она просунула лампу глубже в погреб.

Во тьме возникло лицо Милли. Грязная луна с массой копошащихся червей. Слизь на волосах.

– Господи, – ахнула Буэла.

Пальцы Милли схватили запястье руки, державшей лампу, и рванули.

Крик Буэлы быстро оборвался. Вместе с лампой она ушла под воду.

Но, отдавая Буэле должное, она накормила Милли.

(10)

Работа у гробовщика шла полным ходом. Мерц подготовил Ната Фостера и нарядил его в костюм, захваченный шерифом из дома банкира, после чего заключил, что Нат никогда не выглядел лучше. Черви должны оценить его рвение.

С другой стороны, он порядком намаялся с Натом. Если учесть, что друзей у того не больше, чем у земляного гремучника, Ната следовало заколотить в ящик и закопать, пока не раздулся.

Оглядывая распростертого на плите Нолана, он решил, что именно так с ним и поступит. Никто из этих двоих не привлекал плакальщиков – хотя Нату нашлось чем их оплатить. Парни вроде них больше привлекают мух.

Мерц прикинул, что лучше завернуть Нолана в старую простыню и положить в простой сосновый гроб. А с утрачка зарыть, пока он совсем не протух и не выпер за стенки. На дешевых похоронах такое разок случилось. Он засунул старого Крайдера в гроб без бальзамирования и продержал так ночь. На другой день на погребении – июльский денек выдался жаркий – говнюк раздулся, как кит. В тот раз удача Мерцу не изменила, и тело не выдавило боковины гроба, пока родственники не разошлись. Вонь стояла, как от бочонка тухлой рыбы. Мерц и могильщики свалили труп в яму и побыстрее закидали.

Нолан, ясное дело, уже пованивал. И довольно мерзко.

Мерц обошел вокруг тела. Уродливый *hombre*. Хотя бы грязь из пустой глазницы выковырять.

Да. Назвался груздем – полезай в кузов. Остается раздеть его, обложить льдом и оставить до утра. Двое могильщиков подряжены. Управиться недолго, а после – похороны Ната, где удастся срубить денег. Пусть до Ната никому нет дела. А иные будут только рады.

Мерц выкрутил фитиль у лампы над плитой, прошел Нолану в ноги, повернулся спиной, ухватился за один кучерский сапог и потянул.

Снятый сапог он поставил рядом с собой. Нет, размер не годился.

Он взялся за второй и потянул. Тот не хотел слезать.
– Ну давай, сукин кот!
Нолан сел на своей плите. Грязь посыпалась из глазницы и с волос.
Мерц перестал тянуть.
По затылку пробежал озноб.
От другой плиты, где лежал обряженный Нат, донесся шорох. Покосившись в ту сторону, он разглядел в дымчатом свете лампы, как Нат слезает с плиты.
«Мальчишки балуют», – подумал Мерц.
И в этот миг заметил севшего за спиной Нолана.
Он бросил сапог и развернулся.
И Нолан его сцапал.

Глава седьмая

(1)

В темноте лаборатории Дока сосуды с частями игрока стали подрагивать.
Сгнившая плоть поползла вверх по стенкам и надавила на крышки. В других задрезали кости. Картонная коробка, где лежала голова, задрожала.
На стенке коробки проступило пятно, затем блеснули зубы. Голова игрока прогрызала путь к свободе. В большой банке костяная рука сжала пальцы в кулак и настойчиво забарабанила в стекло.
Док сидел за столом в кабинете, разложив сбоку несколько стопок книг и раскрыв перед собой одну из них. Разорванные на полоски листки записной книжки торчали тут и там в качестве закладок. В стопках лежали «НЕКРОНОМИКОН», «ТАЙНЫ ЧЕРВЯ», «КАББАЛАТ ШАББАТ», «КУЛЬТЫ УПЫРЕЙ», «ЧЕРНАЯ КНИГА ДОФИНОВ», «СОБРАНИЕ НЕЧИСТИ».
Читал же он «ВЫЗЫВАНИЕ ДЕМОНОВ».
Послышался звук.
Док поднял голову и прислушался. Звук долетел из примыкавшей к кабинету приемной. Похоже на звон стекла. Открыв ящик стола, он достал маленький револьвер, встал и прошел к двери между кабинетом и приемной.
Снова звон разбитого стекла.
Он взвел курок, открыл дверь и вышел в темный коридор. Сейчас стало ясно, что звук шел из лаборатории, куда он поместил останки игрока. Кто-то туда проник.
Док прекрасно знал дорогу и не потрудился зажечь лампы в коридоре.
Он осторожно подкрался к двери в лабораторию и прислушался.
Внутри будто с хрустом прошли по битому стеклу.
Он распахнул дверь.
В помещении смутно проступали очертания полок и оборудования – мензурок и прочего. Перехватив револьвер в левую руку, он взял с ближайшей полки спичку, чиркнул ею и произнес:
– Кто здесь?
Ответа не последовало, но стекло захрустело сильнее.
Спичка потухла.
Захватив еще горсть спичек, Док шагнул в темноту. Что-то ткнулось в его ботинок, и он пинком отбросил это в сторону.

Вернув револьвер в правую, левой рукой он зажег спичку о брючину и поднял перед собой.

С одной из верхних полок донесся странный скрежет, и он увидел, как коробка с головой мертвеца дрогнула.

Проклятые крысы – добрались-таки.

Тотчас же он убедился, что это не крысы.

Голова с горящими как угли глазами таращилась на него через прогрызенное в коробке отверстие. Зубы громко щелкнули.

Док вскинул револьвер и выстрелил в голову в тот же момент, как погасла спичка. Насколько выстрел был удачен, судить в темноте было трудно. Он видел лишь черный шар, слетевший с полки на пол с громким стуком.

Он чиркнул новой спичкой и замер.

Что-то схватило его за ногу.

Опустив спичку ниже, он увидел кости скелетной руки. Отчаянный пинок – и костяная рука закрутилась по полу, пока не врезалась в массу из трепещущей плоти с осколками стекла и остатками волос, некогда украшавших голову, грудь и живот игрока. Все вместе походило на истрепанный ковер, под которым снует мышь.

Ребра с треском собрались в каркас – и ковер из плоти в мгновение ока его обтянул.

К получившей пинка руке присоединилась вторая. Кисти раскачивались на запястьях, словно головы кобры, и руки как змеи скользнули под стол для препарирования. Обратно они вынырнули, удерживая череп из коробки.

Руки уронили череп у верхушки костяка, и он, щелкнув, прикрепился к шее. Кости ног, хрустнув, присоединились снизу. Руки стали на место.

Сборный человек подогнул костяные колени и, к неописуемому ужасу Дока, поднялся.

Ошметки тканей все еще ползали по телу, отыскивая нужное место. Полоска плоти обернулась вокруг нижней челюсти Сборки и застыла. Пучки волос торчали по всему лицу, приставшие в основном к голой кости. Ноги тоже состояли из одних костей.

Зубы черепа несколько раз клацнули, и монстр двинулся к Доку.

Док выстрелил. Пуля попала твари в грудь, прошла навывлет и расплющилась о стену.

Спичка погасла. Док не стал зажигать новую – глаза уже приспособились к темноте и хорошо различали очертания. В голове мелькнуло вычитанное в одной из книг: если мертвец оживлен демоном, его нельзя уничтожить, пока цел гниющий мозг. Разрушенный мозг несет мгновенную гибель.

Док выстрелил снова, но прицел повело в сторону. Кусок плоти вырвало из плеча Сборки.

Док не мог двинуться, он как примерз к месту.

Сборка была уже рядом. Костяные пальцы растопырились (Док успел заметить, что к одному пристал заплутавший нос), готовые вцепиться в шею. Одновременно он разинул рот для укуса.

Док сунул дуло револьвера в рот и, когда Сборка сомкнула челюсти – так что зубы разлетелись в труху, – спустил курок.

Мозги вылетели из гниющего затылка Сборки и размазались по стене томатным пюре. Голова зашаталась, слетела с плеч и разбилась об пол, как гнилая тыква. Частички мозга, засохшей крови и вонючей плоти налипли на брюки Дока.

Левая рука твари отскочила, рассыпавшись фрагментами костей. Вылетело правое колено, и Сборка рухнула. Ударившись об пол, она разлетелась на куски. В секунды у ног Дока осталась куча гниющих останков.

Док с трудом сделал несколько шагов и оперся о стол.

– Матерь Божья, – сказал он. – Святая Матерь Божья.

(2)

В дверном проеме, освещенная лампой, оставленной в кабинете Дока, замерла Эбби. В одной сорочке и с дробовиком Дока в руках.

– Я слышала выстрелы. Господи, что это?

Не отпуская стол, Док поднял голову.

– Живые мертвецы. Все, как я говорил. Веришь теперь?

Эбби только кивнула.

– Я-я видела, как оно движется. Не могла выстрелить. Когда это – когда оно – так близко... Господи, оно развалилось.

– Ага. Давай не стой здесь. Иди оденься.

(3)

Преподобный чувствовал запах дождя. «Возможно, – думал он, – это и разбудило». Как бы там ни было, сон будто рукой сняло. Он подошел к окну и выглянул. Падали первые крупные капли. Поднимался ветер. Похоже на то, что соберется гроза.

Преподобный взглянул на карманные часы.

Совсем поздно.

Он зажег лампу, сел на кровати и раскрыл карманную Библию.

(4)

Начавшись, все развивалось быстро. Мертвые были голодны. Они шли в дома друзей, родственников и врагов. Те из живых, кого не съели целиком, вскоре пополняли их ряды.

(5)

Преподобный решил пройтись. Ни заснуть, ни погрузиться в чтение не удавалось. Он оделся, положил в карман Библию и спустился вниз.

Часть 3

Решающая битва

*Из жадных, из разверстых губ
Живая боль кричала мне.*

Д. Китс. Безжалостная красавица (перевод В. Левика)

Глава восьмая

(1)

Когда Преподобный прошел мимо Монтклера, толстяк, как обычно, спал. Стол украшали четыре грязные тарелки и нищенские объедки умятого цыпленка.

Преподобный вышел на улицу – и в тот же миг, как по уговору, разверзся ад.

Вдоль по улице неся Дэвид. Увидев Преподобного, он завопил:

– Спасите, Преподобный! Спасите!

Позади, на приличном расстоянии, взору Преподобного предстал Джо Боб Райн. Он шустро ковылял вдогонку за Дэвидом.

Дэвид влетел в руки Преподобного.

– Ух ты! Вы с отцом подрались?

Перекошенное от страха лицо мальчика было залито слезами.

– Он убьет меня, Преподобный! Обратит в такого же, как они. Ради милости Господа, помогите!

Преподобный был бы рад начистить Джо Бобу Райну рыло. Здоровенный задира ему не нравился. Однако влезать в личные отношения, которые его не касались, не хотелось, а насилие в эти ночные часы (или ранние утренние – как посмотреть) не отвечало его понятиям о декоруме.

Тем не менее бить мальчика он не позволит.

– А если с ним поговорить? – предложил Преподобный.

– Нет-нет, – сказал Дэвид, оглядываясь. – Он мертвый.

– Что? Так вот же он, парень. – Преподобный указал на Райна, который переваливался, будто стреноженный короткой веревкой.

– Мертвый, говорю вам!

Всматриваясь по мере того, как он приближался, Преподобный убедился, что лицо и шея Райна залиты кровью. С виду он сильно пострадал. Да что там, из лица и груди было вырвано несколько кусков. Может, Дэвид отбивался – скажем, топором. А теперь раненый (но явно не убитый) Райн жаждал мести. – Гляди! – закричал Дэвид.

Преподобный обернулся. Из переулка, что вел к дому Дока и Эбби, стала вытягиваться толпа.

– Все мертвые. Не знаю, как вышло – но мертвые. И ходят, и – они разорвали маму. – Мальчик всхлипнул. – Вломились к нам. Маму схватили – стали грызть. А папа – а я в окно... Преподобный, ради Христа, бежим!

За спиной Райна появились другие. Показались из переулков, из домов. Армия шаркунов.

Положив руку на револьвер, Преподобный подтолкнул Дэвида туда, где путь еще не был отрезан. Не успели они ступить и шагу, как в переулке рядом с лечебницей показалась коляска. Док был за кучера и шелкал кнутом, а рядом, с дробовиком в руках, сидела Эбби. Лошади раскидали в стороны мертвецов, и коляска вылетела на улицу.

– Док! – крикнул Преподобный.

Док увидел их с Дэвидом. Мгновение он колебался, вероятно пытаясь определить, живы они или нет, затем погнал коляску к ним.

Мертвец схватил переднее колесо, пытаясь застопорить его, но не удержался. Коляска переехала ему шею. Оставшись позади, мертвец встал – голова повисла на грудь, зазубренный кусок кости торчал из загривка – и пошел.

Док придержал лошадей, только чтобы Дэвид и Преподобный смогли запрыгнуть, и галопом пустил лошадей в направлении церкви.

Толпа мертвых жителей преградила им путь. Когда Преподобный достал револьвер, Док крикнул:

– Бей в голову – иначе их не свалить!

Эбби вскинула дробовик и выстрелила. Один из зомби, лишившись половины черепа, упал.

Револьвер Преподобного рявкнул четыре раза. Четверо зомби с дырками в голове рухнули на землю умершими безвозвратно.

Свободной рукой выхватив свой револьвер, Док прострелил глаз женщине, повисшей на коляске сбоку.

Дюжий мужчина (лавочник Мэтьюз) запрыгнул на спину одной из лошадей и, пока коляска продиралась сквозь толпу, вцепился зубами ей в шею. Кровь ударила фонтаном, ноги лошади подкосились, и она упала, увлекая за собой упряжку.

Коляска опрокинулась набок, раскидав седоков.

Сделав кувырок, Преподобный вскочил. Упавшие лошади заняли большинство зомби, которые, отталкивая друг друга, вытягивали и пожирали их внутренности.

Резко обернувшись на вопль Дэвида, он оказался лицом к лицу с Монтклером, казавшимся куда более резвым, чем при жизни. Преподобный врезал дулом револьвера ему в лоб, а Дэвид подсек сзади под коленки, уложив на землю.

Пока Монтклер неуклюже поднимался, Дэвид подскочил к Преподобному.

Эбби выронила дробовик, а стоявший рядом Док хладнокровно посылал пулю за пулей в надвигающихся тварей. Но барабан вот-вот должен был опустеть.

Дэвид рванулся и схватил упавший дробовик. Преподобный был в шаге позади.

Девочка не старше Дэвида бросилась на них. Недолго думая Дэвид вскинул дробовик и выстрелил. Заряд угодил в шею, напроць оторвав голову. Закружившись, разбрызгивая кровь, безголовое тело рухнуло. Голова упала неподалеку, щелкая зубами.

Дэвид как замороженный смотрел на голову, кусавшую землю в попытке добраться до еды.

Выхватив у него дробовик, Преподобный прикладом размозжил голову.

Монтклер и остальные тем временем обступили их со всех сторон.

– Беги к церкви, – сказал Преподобный. – Там святая земля.

– А ты? – спросил Дэвид.

– Делай, что сказано.

Крутанувшись, Дэвид прошмыгнул между ног Монтклера, резко метнулся влево, упал, перекатился под руками еще двоих и оказался на свободе. Он ринулся к церкви.

Преподобный, размахивая дробовиком, не давал им приблизиться – как Иисус, изгоняющий из храма менял.

Он расчистил себе дорогу к Эбби.

– Бегите, – сказал он. – Бегите к церкви.

И взмахнул дробовиком, с треском круша руки и черепа, раскалывая кости и рассекая плоть.

Толпа сомкнулась теснее, но Преподобный продолжал отбиваться, и море мертвых раздалось, пропуская Эбби, Дока и Преподобного (который пятился спиной, продолжая наносить удары) в сторону церкви.

Взлетев по ступеням, они рванули дверь.

Та оказалась заперта.

– Кэлхаун! – крикнул Преподобный. – Впусти нас.

Док шарахнул в дверь ногой и завопил:

– Открывай! Скорей! Кэлхаун!

Мертвецы подступали все ближе. В первом ряду Преподобный увидел Монтклера. Потеки зеленоватой слюны свисали с губ почти до земли.

«Монтклер даже мертвый впереди, когда доходит до еды», – угрюмо отметил Преподобный.

Все четверо не прекращали орать и колотить в дверь.

Дверь не открывалась. Мертвецы подобрались к самым ступеням. Преподобный сунул револьвер Дэвиду и перехватил дробовик, готовый разбивать черепа.

Но в последний миг зомби остановились. Как змеи перед заклинателем, они раскачивались взад-вперед, испуская голодные стоны.

– Что с ними? – заверещал Дэвид, как палку выставив перед собой револьвер.

– Святая земля, – отозвался Преподобный. – Сила Господа всемогущего.

– Не прославляйте всуе, – сказал Док. – Я точно знаю. Прежде чем полегчает – будет куда хуже.

Дверь отворилась. За ней был Кэлхаун, трясущийся, сжимающий кочергу. С белым лицом и в явном ступоре.

– Я... я слышал вас, – произнес Кэлхаун.

Отпихнув его, все кинулись внутрь, захлопнули дверь и накинули большой дубовый засов.

Кэлхаун опустил кочергу.

– Я думал, вы – они. Уже дважды они приходили, но вставали у ступеней. Я видел, как схватили несчастную мисс Макфи. Она искала убежища, но не успела. Я услышал крики. Приоткрыв дверь, выглянул – она была рядом, тянулась ко мне. А они кусали ее, рвали – Господи, я не смог выйти. И сделать ничего не мог – ее сожрали.

– Правильно поступили, – сказал Преподобный. – Они бы вас убили.

– Это в лучшем случае, – добавил Док.

Подойдя к забранным решеткой окнам, они выглянули. Мертвецы выстраивались кольцом вокруг церкви.

– Мы здесь в безопасности? – спросила Эбби.

– До поры до времени, – сказал Док. – Пока не придет их хозяин.

– Хозяин? – повторил Кэлхаун.

– Индеец. И его проклятие этому городу. Вот с чего все началось.

– Но я не трогал ни его, ни его женщину.

– Неважно, – сказал Док. – По его мнению, виноваты мы все. Весь город. Кстати, Джеб, ты тоже. – Господь послал меня на битву – и вот я здесь, – сказал Преподобный.

– Больше не считаешь это моими фантазиями? – спросил Док.

Преподобный хмуро усмехнулся:

– Разве только нашими общими.

(2)

Калев барабанил в дверь конторы шерифа.

– Мэтт,пусти меня. Слышишь? Впусти.

Мэтт (заснувший перед тем на койке в открытой камере) уже слышал суматоху вокруг и видел, как Преподобный и остальные пробивались по улице, так что ему не составило большого труда сообразить, что происходит. Однако он решил не высовываться. Надеялся, что, продержавшись до рассвета, получит шанс. А сейчас придурок Калев, который заварил эту кашу, ломится в его дверь, собирая всю нечисть. Через окно он видел, как оравы мертвецов двинулись на звуки голоса.

– Открывай, сукин сын, – вопил Калев. – Я знаю, ты там. Открывай! Они мне зад обгложут.

«Надеюсь, подавятся», – подумал Мэтт.

Подойдя к окну, Мэтт выглянул, а Калев как раз заглянул с улицы.

– Ради святого Петра, открой.

За спиной Калеба мертвецы сбились в плотную свору, торопясь к еде. У Мэтта мелькнула мысль об их сходстве с толпой, собравшейся в тот вечер, когда повесили индейца, и в то же время о ежегодном совместном городском обеде.

– Иди к дьяволу, – сказал Калев и пропал из виду.

Помедлив, Мэтт бросился к двери и откинул засов.

Калев стоял к нему спиной, с револьверами в обеих руках. Он быстро глянул назад и попятился в дверь. Захлопнув ее, они вернули засов на место. – Мудак, – сказал Калев.

Мэтт промолчал.

– Я еле пробился через город. Мэтт, они людей жрут. Мертвые поднимаются и ходят.

– Знаю, – ответил Мэтт.

В следующий миг он прыгнул, схватил Калеба за грудки, перекинул через стол и шмякнул об стену. Потом рывком поднял на ноги и заорал прямо в лицо:

– Ты во всем виноват, сволочь! Ты заставил вздернуть индейца. Именно ты все и сделал. Ты...

Дуло револьвера Калеба уперлось ему в верхнюю губу.

– Пусти. Понял? – сказал Калев.

Мэтт отпустил. Его руки тряслись.

Сбоку в поле зрения что-то появилось. Мертвое лицо в окне. И еще одно. А потом кое-что похуже.

Снаружи показался кто-то, тащивший через улицу большой ящик.

Индеец.

– Святая Богоматерь, – сказал Мэтт.

Калев проследил за его взглядом.

– Иисусе Христе с деревянной елкой и дерьмом сохрани нас. Сам большой ублюдок. Для повешенного и спаленного молнией он еще хоть куда.

Положив один револьвер на стол, Калев откинул на другом барабан и стал перезаряжать из запаса на поясном патронташе.

– Поглядим, по вкусу ли ублюдку свинец. И сними-ка сюда пару винчестеров, не то мы – мертвое мясо. Ходячее мертвое мясо. – Чтобы вернее целиться, Калев зажег на столе лампу.

Индеец подошел к окну, нагнулся и заглянул внутрь. Его лицо вызывало дрожь – на вид медленно истлевающее. Поставив ящик на торец перед окном, он снял крышку.

Женщина внутри потеряла сходство с человеком. Калев с друзьями обкорнали ее и содрали кожу, не оставив следа былой красоты. Мышцы на животе разорвались, и кусок кишки вылезал, как застенчивая змея.

Мэтт, заряжавший винчестер, не мог отвести глаз от создания в ящике – даже не присутствуя при ее мучениях, он сразу догадался, кто перед ним.

Он взглянул на Калеба.

– Ты тварь!

– Эдак меня называла старая маманя, – сказал Калев.

Индеец отошел от окна.

Раздался мощный удар в дверь.

Деревянный засов треснул.

Удар повторился.

Громадный кулак индейца пробил дерево и зашарил в поисках скобы.

Калеб прицелился из револьвера и трижды выстрелил. Пули прошли руку насквозь, застряв в дереве. Рука продолжала извиваться наподобие щупальца.

– Бросай винчестер! – заорал Калеб.

Мэтт, почти не сознавая, что делает, подчинился. Калеб сунул револьвер за пояс, поймал ружье, взвел и выстрелил еще три раза.

Рука замерла.

Всего на миг, затем пальцы вцепились в дверь и потянули. Петли заскрипели, застонали, завизжали.

Дверь отлетела, и индеец швырнул ее на улицу. На миг он застыл в проеме, мертвая челядь толпилась за спиной, пытаясь просунуться в комнату.

Рассыпав полкоробки патронов, Мэтт сумел зарядить дробовик и стал пятиться к открытой камере. Калеб не тронулся с места. Он выстрелил три раза и все три пули угодили индейцу в грудь, выбив маленькие фонтанчики праха.

Индеец улыбнулся.

Калеб снова выстрелил. Пуля пробила индейцу щеку, оставив аккуратную дырочку, и только.

– Говноед, – сказал Калеб. – Попробуй меня взять. – Схватив ружье за ствол, он размахнулся, а индеец прыгнул вперед.

Его громадная рука схватила винчестер на лету и выдернула из хватки Калеба. Взяв ружье в обе руки, индеец переломил его пополам.

Калеб сунулся за револьвером.

Индеец перехватил руку.

– Нехорошо, – сказал он. – Совсем плохо.

И сжал.

Калеб завыл, когда плоть и кости ладони перемешались с металлом и слоновой костью рукоятки.

Ударом наотмашь индеец сбил Калеба с ног.

Оглушенный, Калеб уставился вверх. Индеец нагнулся, ухватил шнурок с нанизанными ушами и рывком сорвал с шеи.

Обернувшись на челядь, нетерпеливо ждущую в дверях, индеец улыбнулся.

– Кормитесь, – произнес он, и мертвецы ворвались внутрь.

Калеб завопил, когда они накнулись на него. Зубы рвали одежду, горло, живот. Он пытался отползти, но его придавили к полу. Он завизжал, чувствуя, как полдюжины обломанных старческих зубов впились ему в руку.

Голова женщины метнулась к нежной части живота и глубоко вгрызлась, разрывая плоть. Из раны серым кольцом выскользнули внутренности и тут же оказались у женщины в зубах. Она потянула, привстала, стараясь выдрать кусок покрупнее. Тотчас вторая нырнула к вытянутым кишкам, и те порвались – две женщины вцепились в добычу, вырывая друг у друга, как две синие сойки дерутся за большого сочного червя.

Множество рук терзало рану, вытаскивая новые внутренности, лица прижимались к лицу Калеба, отгрызая куски. Еще миг – и вымазанный кровью, с растянутыми по всей контуре внутренностями, Калеб наконец умолк.

Скованный ужасом, Мэтт забился в камеру, захлопнув за собой дверь. Индеец обвязал шнурок с ушами вокруг шеи, подошел и прижался к прутьям лицом.

Мэтт разрядил оба ствола. Голова индейца откинулась на фут, но вновь вернулась к решетке. Заряд дробы пришелся на площадь от низа носа до середины груди. Маленькие свинцовые шарики выскочили обратно и дождем посыпались на пол. Громкий смех индейца не перекрыл звуки рвущегося мяса, чавканье и хруст хрящей за его спиной.

Индеец взялся за прутья решетки и неспешно, с улыбкой на лице, стал отгибать их в стороны. Просунув голову в образовавшуюся дыру, он радостно оскалился.

Отшвырнув дробовик, Мэтт выхватил револьвер и приставил к виску. Он взвел курок. Зажмурился. И... промедлил.

Всего мгновение – а потом нажал курок.

Его руку рвануло вбок, и пуля ударила в стену камеры, не причинив вреда, а Мэтт, открыв глаза, с ужасом увидел, что индеец уже стоит рядом, держит револьвер за ствол и улыбается.

Индеец отшвырнул револьвер, лязгнувший об пол. Его рот открылся. В тусклом свете полускрытых облаками и дождем лунных лучей и мерцающих отсветах лампы серебристо блистали зубы.

Рот индейца раскрывался все шире. Послышался щелчок, когда челюсти разделились в сочленении, как у змеи. Из горла индейца вырвалось громкое шипение, и голова метнулась вперед, захватив Мэтта от подбородка до носа.

Вопль Мэтта слабым эхом отразился от нёба громадного рта и затих в глотке. Раздался омерзительный хруст – и во все стороны от лица Мэтта брызнула кровь.

Индеец, стоявший чуть нагнувшись вперед, выпрямился, приподняв брыкающегося Мэтта над полом. Потом затряс головой, как собака, грызущая кость, и Мэтт обвис мокрым половиком. Индеец еще раз потрянул головой, и лицо Мэтта слезло, а сам он отлетел в сторону, проскользнув по полу, пока голова не врезалась в стену. Он остался лежать лицом вверх, но уже без лица. Лоб был раздроблен, уши будто прилепились на краю обрывистого склона, точно готовые сорваться вниз неумелые скалолазы.

Изжеванный обрывок плоти мелькнул между больших острых зубов индейца, и в один быстрый глоток отправился в утробу нелюдя. Спустя мгновение индеец выплюнул струйку зубов Мэтта, как страдающий плохим пищеварением изрыгает избыток скушанных мятных пастилок.

Обернувшись окровавленным лицом к своим приверженцам, индеец улыбнулся при виде Калеба, который поднимался с волочащимися остатками внутренностей, а за ними поблескивали позвоночник и обглоданные ребра.

Запрокинув голову, индеец испустил дьявольский вой, окропив потолок фонтаном кровавых брызг.

(3)

Внутри церкви осажденные услышали вой и, насторожившись, на время оторвались от разборки скамей и заколачивая дверей и окон.

Зомби вокруг церкви развернули головы в сторону, откуда донесся вой, точно услышав любимый фрагмент симфонии.

Вой долго не стихал, и Преподобному (который замер у окна с молотком в одной руке, гвоздем в зубах и обломком скамьи в другой) он показался одновременно воплем скорби и триумфа.

Глава девятая

(1)

Осажденные усиленно готовились к грядущему штурму.

Все дробовики, ружья и револьверы вытащили из кладовки, зарядили, и те, что не разобрали, разложили вдоль рядов скамей, на сиденьях и рядом, чтобы в любой момент схватить

и пустить в ход. Идея заключалась в том, чтобы держать оборону как можно дольше, а если отступать, то вдоль длинного прохода в сторону кладовки – последнего рубежа, – всегда имея оружие под рукой.

Разломав несколько рядов скамей, они как обезумевшие дятлы заколачивали двери и окна – притом что зомби не спешили идти на приступ, времени как следует подготовиться было достаточно.

Кэлхаун вертел в руке револьвер.

– В жизни не брался за оружие – терпеть его не могу.

– Пришла пора научиться, – сказал Преподобный. – И полюбить. Уверен, очень скоро оружие станет для нас верным спутником.

Зомби толпились у окон, заглядывая внутрь сквозь щели в приколоченных досках.

– Чего они ждут? – спросил Кэлхаун, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Хозяина, – сказал Док. – Его слова.

– Док, – сказал Преподобный, – если вам есть что рассказать нам в помощь – теперь самое время.

Док оперся о ближайшую скамью.

– Ладно, – сказал он. – Постараюсь коротко, без лишних подробностей. Толком объяснить все равно не сумею. Индеец – шаман, колдун. Он проклял город и впустил в свое тело демона, чтобы жить после смерти и отомстить. Демон дает ему могущество. Церковь на время отпугнет зомби, пока он не заставит их. А это неизбежно. Святость места ему противна, потому он пошлет зомби исполнить свою волю. Если им не удастся, то явится сам. И чем ближе к утру, тем вернее, что он возьмется за дело: при свете дня его силы иссякнут. Тогда мы можем найти и убить его, и он мало чем сможет помешать. Лучи солнца для него – яд. Что до зомби, они как пчелы, а он словно пчелиная матка. Все они подвластны одному разуму. ЕГО. Остановить их можно лишь разрушив мозг. Индейские чары действуют только на мертвых, чей мозг уцелел. Не знаю, как и отчего. С тем же успехом могу объяснить, зачем в снадобья добавляют глаз жабы или крыло черного мотылька. Просто метьте в голову и крошите черепа. Тогда их остановите.

– И индейца? – спросил Дэвид.

– С ним иначе. Демон внутри него владеет телом и дает силы, как бы тяжело тело ни пострадало. Его остановить может лишь солнце или священные предметы. Но таким предметам должна сопутствовать вера. Если мы теряем веру, от них нет пользы.

Преподобный обнял Эбби за плечи.

– Док, а вы знаете точно?

– Какое там. Я, по-вашему, что ни день воюю с упырями? Я все вычитал в чертовой книжке. – Док умолк. – И вот еще что. Эти живые мертвецы как зараза. Если укусит – считай, укусила бешеная собака. Только хуже – станешь таким, как они. Случись такое – советую застрелиться.

(2)

Город умер.

И мертвые бродили в нем.

Через щель между досками Преподобный следил за ними. Когда-то в Сан-Франциско он видел, как с полсотни крыс выбирались с корабля по швартову, и теперь вспомнил тот момент. Голодные красные глаза и все прочее. Зомби, при жизни бывшая Милли Джонсон, появилась у щели с другой стороны и взглянула на Преподобного. Разбухший язык облизнул губы. Длинная сопля свешивалась из левой ноздри, почти касаясь щеки. Она издала приглушенный стон, точно Преподобный был лакомым куском бифштекса. Наконец она отступила от окна в поисках лучшего пути внутрь, и Преподобный увидел индейца.

Тот шел посреди улицы с деревянным ящиком на плече, и дождь будто расступался перед ним.

Кэлхаун, глядевший в другое окно, отшатнулся, упал на колени и стал молиться.

Толпа мертвецов раздалась, попуская индейца, и тот остановился у церковных ступеней, вертикально опустил рядом ящик. Сорвав крышку, он выставил содержимое на обозрение укрывшихся в церкви.

За плечом Преподобного Док произнес:

– Его жена. То, что осталось.

Индеец повернулся к труп, снял шнурок с ушами и надел через голову тела. Затем поцеловал мертвые почерневшие губы и обернулся к церкви.

Новые мертвецы ковыляли по улице. Среди них безлицый шериф и Калеб, волочивший кишки и припадавший на ногу, часть коленки которой отгрызли.

Взгляды Преподобного и индейца пересеклись, и Джеб с удивлением ощутил наплыв жалости к краснокожему. Чувство потери близких было ему знакомо, пусть в его случае носило чисто эмоциональный характер. По слухам, его семья (хотя сестру, несомненно, изгнали) жила и процветала.

Теперь они оказались лицом к лицу: он – за светлые силы Господни, а индеец – оружие в руках дьявола. Две силы сошлись в противоборстве.

Но отчего-то Преподобный не ощущал свою бесспорную непогрешимость и не мог принять индейца за чистое зло.

Он обернулся к Эбби. Та попыталась ответить улыбкой, но мускулы лица не слушались. Мысль о ней еще больше поколебала его уверенность в непогрешимости, вместе с тем добавив мирского жизнелюбия. Он очень хотел бы возлечь с ней и познать ее в библейском смысле. Это было бы справедливым даром двум любящим людям, которых, вероятно, ждет скорая смерть. Если им не суждено уцелеть, другой возможности не будет. Он соблюдал Божьи заповеди, но не заповеди своего сердца, а сейчас не мог этого одобрить.

Проповедник взглянул на Дэвида. Он успел привязаться к мальчишке так, как если бы тот был его сыном.

Мальчик сидел на скамье, сжимая дробовик; лицо и волосы в грязи. Безграничная любовь переполнила Преподобного.

Дэвид, словно почувствовав, повернулся к нему и попытался улыбнуться, но преуспел едва ли больше Эбби.

Преподобный вновь выглянул в окно. Индеец не сдвинулся с места и продолжал смотреть в ту же точку, словно пытаясь перехватить его взгляд.

Преподобный отвернулся. В пятый раз он переломил дробовик и проверил заряды, и в пятый же раз осмотрел револьвер.

Прислонив дробовик к стене и убрав револьвер за пояс, он подошел к Эбби и обнял ее.

– Я люблю тебя, – просто сказал он. – Будь что будет – я тебя люблю.

Отложив оружие, она обняла и поцеловала его – долгим и страстным поцелуем любви и, возможно, прощания.

Ибо наставал момент истины.

(3)

Мертвецы перешли в наступление. Поначалу с опаской. Поднявшись по ступеням, они взялись за решетки на окнах, просовывая руки, чтобы попробовать на крепость набитые доски. Их пальцы как черви пролезали в щели, легонько дергали и опять скрывались.

Осажденные встали в центре церкви, лицом к запертым дверям. Преподобный и Док стояли бок о бок; чуть позади и левее Преподобного – Дэвид, справа от Дока – Эбби и замыкал построение Кэлхаун, которого трясло так, что был слышен шорох одежды и стук зубов.

И вот доска на соседнем с дверями окне с треском оторвалась, рассыпав веер гвоздей, и отлетела на пол. Индеец уставился на них, улыбаясь окровавленным ртом. Взявшись за прутья, он придвинулся вплотную к решетке и заглянул внутрь.

– Бу, – сказал он.

От ладоней, в тех местах, где они сжимали прутья, шли струйки дыма. Индеец отдернул руки, и на некоторых прутьях вспыхнули маленькие язычки пламени.

Преподобный переглянулся с Доком.

– Святая земля?

Док кивнул:

– Пока для нас святая – будет святой и для него. Но они еще снаружи. Вот когда окажутся внутри, с нами лицом к лицу, – тогда узнаем, чья вера крепче. И если он будет сильнее...

– Мы умрем.

– Хуже.

Преподобный проверил время – чуть больше часа до рассвета. Едва он убрал часы в карман, как зомби пошли на приступ.

Двери стали вздуваться, будто громадная грудь в попытке набрать больше воздуха. С треском повывлетали доски на окнах, взамен появились глядящие сквозь решетку мертвые лица. Один зомби принялся в исступлении грызть прутья, его зубы крошились и выпадали. Прочие отчаянно дергали вставшее на их пути препятствие.

Но вот их сменили громадные руки, и, хотя его ладони дымились, индеец с душераздирающим скрежетом стал один за другим выдергивать прутья из окон.

– Преподобный? – произнес Дэвид. Он придвинулся вплотную.

– Да, – сказал Преподобный.

– Был рад знакомству.

– Не ставь на себе крест раньше времени, парень. Положись на веру в Господа и на дробовик. Прижимай приклад крепче и цель в голову. Не паникуй. После двух выстрелов перезаряди – если придется, отступай. А если совсем прижмут, бросай дробовик. Бери револьвер и бей в упор. Ясно?

– Да, сэр.

– Дэвид?

– Что, сэр?

– Я люблю тебя.

– И я тебя, Преподобный.

– Джеб. Зови меня хотя бы Джеб.

– Джеб.

Зомби стали протискиваться во все окна.

Преподобный вскинул к плечу дробовик.

– Господи, да святится имя Твое! А ты, дробовик, за дело.

Выстрелом в голову он снял с окна первого зомби. И битва началась.

(4)

Головы зомби разлетались в клочья. Мертвецы напирали, и поначалу осажденным удавалось сдерживать натиск, оттесняя их к окнам, но врагов было так много и они были так настырны, что вскоре твари наводнили всю церковь, а страх был им неведом, ибо ими владели только голод и желания индейца.

Грохот выстрелов перерос в сплошной рев, скоро едкий пороховой дым окутал церковь, а ружья обжигали осажденным ладони, но они перезаряжали и стреляли вновь и вновь, так что казалось, их не одолеть.

Тела штабелями собачьего дерьма лежали слева и справа, гроздьями свисали со скамей и громоздились в проходах.

Пока доставало времени перезаряжать и гасить зомби прежде, чем поток успевал накрыть их, так что у Преподобного теплилась надежда, что они продержатся до наступления дня и будут спасены.

В этот миг двери разлетелись, обдав дождем из щепок, и зомби швырнуло вперед, как мелкую гальку в большой океанской волне. Преподобный и Док тщетно пытались отбить свой рубеж, поток захлестнул их, и каждый раз, залезая в карманы за патронами, они убеждались, что их остается все меньше – теперь приходилось просто бросать оружие (хотя кольт Преподобного оставался за кушаком) и хватать запасное, расставленное вдоль скамей.

Из-за густого дыма часто ничего не было видно, мертвые хари клацающих зубами зомби выныривали перед самым носом. Стрелять приходилось в упор. Кровь, ошметки мозгов и плоти были повсюду. Ноги защитников скользили в этой каше, но они держались.

Внезапно атака остановилась, пальба смолкла. Порыв прохладного грозового ветра развеял завесу дыма.

Осажденные увидели, что церковь битком набита мертвецами. Их было больше, чем клеток на коровьем вымени.

Снаружи, у подножия ступеней, стоял индеец. Остатки церковных дверей колыхались на ветру, как обвисшие шляпные поля, то скрывая, то вновь выставляя на обозрение его фигуру.

Индеец поднял руки к грозовому небу – и маленькие синие молнии заплясали у него на пальцах. Казалось, он черпает силу от грозы. Его рот открывался все шире, являя страшные острые зубы, и вопль, точно многократно усиленный предсмертный стон, вылетел из разверстого рта и смешался с завыванием ветра, а гроза налетела с новой силой. Будто подхлестнутые призывом, мертвецы всем скопищем двинулись на осажденных.

На краткий ужасный миг они явились как люди: мужчины, женщины и дети. Там были Калед, Монтклер, Сесил из кафе, многие, кого они видели, но не знали по имени. и все стали окликать Кэлхауна визгливыми, искаженными голосами, призывать его, вестника Господня, спасти их души.

– Не слушай их, – крикнул Док. – Для них нет спасения, пока не уничтожен индеец.

Мертвецы подошли все ближе, их голоса сливались в литанию имен и молений, повторяемых снова и снова.

Глянув назад, Кэлхаун увидел двух настырных зомби, лезущих вдоль ряда церковных скамей по телам убитых соратников. Сначала он промазал, угодив вместо головы в плечо. Кэлхаун взвел курок второго ствола и на сей раз разнес голову ближайшего зомби в облако крови и мозгов.

Переломив дробовик, он полез за патронами, стараясь не глядеть на подступающего зомби и на тех, кто двигался следом.

В карманах было пусто.

Он поднял глаза.

Оскаленный рот зомби – перед самым носом.

Кэлхаун выронил дробовик, потянулся за револьвером на поясе, но слишком медленно – вонь мертвечины сковывала движения. Голова зомби дернулась вперед, вырывая кусок его щеки. И вместе с воплем Кэлхауна зомби обнял его, как любовник, продолжая клевать плоть. Быстро обернувшись на крик, Эбби увидела, что зомби схватил Кэлхауна.

– Прости, – сказала она, поймав последний взгляд Кэлхауна, и выстрелила ему в голову. Тело в объятиях зомби обвисло.

Голова зомби развернулась к ней, точно собираясь попенять за исход, но выдавила лишь короткий хрип, прежде чем пуля Эбби продырявила правый глаз. Зомби и Кэлхаун рухнули на пол.

Мертвецы кишели как муравьи. Дым снова сгустился, разъедая глаза. От грохота выстрелов закладывало уши. Руки едва были в силах держать оружие. А мертвецы прибывали. Напирая. Оттесняя осажденных к кладовке, да так быстро, что времени перезаряжать не оставалось. Едва удавалось схватить со скамей оружие, заготовленное впрок, разрядить и тут же брать новое.

– Нам не выстоять, – сказала Эбби.

– В кладовку, – ответил Док.

Не сговариваясь Эбби с Дэвидом стали спина к спине к Преподобному с Доком, и все четверо – двое впереди, двое прикрывая тыл – не прекращая стрелять, продолжили отступление.

Дулом винчестера Док раскроил голову вынырнувшего из дыма зомби – треск черепа прозвучал словно выстрел. Это был Нолан. Череп раскололся, забрызгав Дока протухшей овсянкой мозгов.

Падая, тело Нолана разделило Преподобного и Дока, оттеснив Джеба чуть назад, так что Эбби выдавило вперед.

Преподобный не нуждался в озарении свыше, чтобы понять: их оборона рушится, шансов пробиться к кладовке все меньше, тем более что зомби уже пролезли через скамьи и преградили им путь.

Плечо Дэвида разламывалось от боли. Отдача дробовика превратила его в сплошную ссадину. Он надеялся улучшить момент для передышки.

В дробовике оставался последний патрон, потом – револьвер за поясом с горсткой патронов в кармане, а там дерись им как дубиной – и в конце только жопа да локти, хотя конец тут скорее начало, и самого ужасного свойства.

Из дымной кутерьмы возникла рука, схватила дробовик за дуло и вырвала из рук Дэвида, отправив в кучу из скамей и трупов.

Извернувшись, Дэвид оказался лицом к лицу с отцом. Несмотря на раны и засохшую кровь, тот выглядел необычно спокойным. Дэвид выдернул из-за пояса револьвер и навел на отца. Но палец застыл, не в силах нажать на курок.

Сколько раз он желал отцу смерти, а сейчас, когда ставкой была его жизнь, притом что смерть отцу уже не страшна, он не мог выстрелить. Райн сграбастал Дэвида, и его голова нырнула вниз, отбросив в сторону руку с револьвером. Дэвид завопил, зная, чего ждать дальше, и тщетно отыскивая силы пустить себе пулю в лоб. Но между ним и лязгающими зубами отца вдруг вырос приклад дробовика. Райн успел отхватить кусок дерева, а приклад впечатался ему в лицо. Разлетелись кровь и зубы – Райн был повержен. На его месте вырос Преподобный.

– Шевелись, парень, – крикнул Преподобный. – Отходим!

Дэвид стряхнул оцепенение и пустил револьвер в ход. Но сумел попятиться всего на несколько дюймов. Мертвецы лезли отовсюду, как стервятники на падаль.

Неизвестно откуда возникали руки, и скрюченные пальцы вцеплялись в отступающих. Они били наотмашь, прокладывая путь к последнему оплоту – кладовке. Зомби смыкались живой кусачей стеной.

Перемазанный кровью толстяк Монтклер поймал Эбби за воротник и потащил к своей ненасытной пасти. Она изо всех сил засветила ему дулом 45-го в лоб – и тот отшатнулся. Платье треснуло, и она оказалась на полу, извиваясь в гуще из мозгов, крови, тел и стреляных гильз в попытке отыскать оброненный револьвер.

Револьвер нашелся на груди Райна, но как только Эбби схватила оружие, рука Райна цапала ее за кисть. Мертвец поднял голову. Череп треснул, но Преподобный его не прикончил. Зубы щелкнули, отхватив Эбби большой палец.

Она с воплем вырвалась и на карачках попятилась. Дэвид полетел через нее кувырком, свалившись на отца. Он перекатился, а Райн уже поднимался, и револьвер соскользнул с его груди на пол.

Дэвид прыгнул за револьвером, схватил его, крутанулся, поворачиваясь к отцу лицом, и на сей раз выстрелил. С дырой на месте носа Райн рухнул с громким стуком.

Дэвид вскочил на ноги, пытаясь вытащить Эбби. Зомби повисли на обоих. Брыкаясь и молотя кулаками, он сумел вырваться, но ей не удалось. Поскользнувшись в кровавой каше, зомби упал, схватил Эбби за ногу и вгрызся ей в колено. Другой вцепился зубами в поясницу. Еще один укусил за плечо.

Инстинктивно она ползла к Дэвиду. Он подхватил ее за талию, чувствуя тяжесть. И тут на их пути выросли безликий шериф и Калеб, по-прежнему волочащий остатки своих, уже большей частью выдранных внутренностей.

Дэвид выстрелил в лицо Калебу, и тот упал. Шериф боднул Дэвида головой, вернее, кровавым месивом, оставшимся вместо лица. Большой кровавой сгусток прилип к обожженному порохом, измазанному кровью и мозгами лицу Дэвида, но без зубов шериф не мог нанести вреда. Дэвид выстрелил в упор, и Мэтт наконец обрел покой.

Эбби подняла голову, нашла глазами спину Преподобного. Одновременно тот обернулся, их взгляды встретились. Он увидел раны.

– Я люблю тебя, – шепнула она, выхватила из рук оторопевшего Дэвида револьвер, выпрямилась, приставила ствол к подбородку и нажала курок. Как прынувшая из норы испуганная луговая собачка, мозги Эбби вылетели из ее затылка, и она рухнула к ногам Дэвида.

Дэвид взял револьвер из разжавшихся пальцев, взглянул на Преподобного.

– В кладовку, – выдавил тот. – Запрись. Ты должен уцелеть.

– Только с тобой, – крикнул Дэвид.

Преподобный пинком отбросил одного зомби, кулаком свалил другого.

– Делай, что сказано, маленький говнюк.

Дэвид покачал головой.

Как раз в этот миг Док скрылся под волной нахлынувших зомби, и Преподобный, отступив на шаг, чтобы увернуться от лязгающих челюстей, прикладом вышиб своему противнику зубы, а вторым ударом расколол череп.

Дока одолели. Зомби висели на нем будто стая собак. Крича, он обернулся искаженным лицом к Преподобному. Прежде чем Док совсем исчез под грудой зомби, Преподобный отшвырнул дробовик, которым бился как дубиной, выхватил револьвер и выстрелил в виднеющуюся часть головы.

Со смертью Эбби и Дока Преподобный обессилел, но сейчас, когда зомби накинлись на свою жертву, путь оказался свободен – и на короткий миг Преподобный увидел индейца.

Тот по-прежнему стоял у подножия ступеней, и гроза ухала над его головой, как огромная сова. А позади него, показалось Преподобному, занимался рассвет.

Губы индейца тронула улыбка, точно говорящая: «Знаю твой замысел, но ему не сбыться».

С рычанием Преподобный метнулся к Дэвиду. Мальчик застыл, прижавшись к стене – пока чудовища насыщались Эбби и Доком, ему выпала короткая передышка. Он и не пробовал укрыться в кладовке.

Преподобный в три прыжка оказался рядом. Схватив Дэвида за загривок, он открыл дверь и пихнул его внутрь. Шагнув следом, попытался захлопнуть дверь, но из-за нее вынырнуло лицо зомби, потом рука, которая вцепилась в край и потянула.

Преподобный врезал с левой, отбросив зомби назад, и дернул дверь, пытаясь ее закрыть. Но зомби не сдавался. Он не выпустил дверь и потащил на себя, так что Преподобный оказался в его объятиях.

Быстро взметнулся колыт, целя снизу в голову. Выстрел – и мертвец рухнул, чтобы уже не подняться.

Тут же они навалились скопом, пытаясь укусить и свалить, как Дока, но Преподобный был скор и увертлив. Стремясь вырваться, он крутился, изворачивался, лягался, бил кулаком и револьвером. Пинком в лицо он остановил готового вцепиться мальчишку, локтем снизу в челюсть отбросил другого зомби; присел, так что зубы шелкнули над его головой, укусив лишь воздух.

Сбоку возник Дэвид, трижды гаркнул его револьвер – БАХ-БАХ-БАХ, – и трое зомби полегли. Улучив драгоценный момент, Преподобный толкнул Дэвида обратно, так что тот кувырком полетел по ступенькам. Еще миг – и одной рукой он вцепился в дверную ручку, другой сунул за пояс револьвер и уже тянул за ручку двумя, а подоспевший Дэвид схватил его за пояс, как в сказке про репку.

Зомби втиснул руку между дверью и косяком. Преподобный, кряхтя, приналег что есть силы, Дэвид вместе с ним. Наконец, хрустнув, отсеченные пальцы как сосиски упали на верхнюю ступеньку. Дверь захлопнулась. Дэвид молниеносно задвинул хилый на вид засов. Целы.

Но надолго ли?

Дверь неистово трясла.

– Ну и упорные, – сказал Дэвид.

Преподобный кивнул.

– Дверь их долго не удержит, да?

Покачивая головой, Преподобный осмотрел полку у двери, нашел спички и лампу, зажег ее.

Дверь продолжала сотрясаться.

– Преподобный, с нами все кончено, да?

– Если дождемся рассвета, поглядим. Осталось недолго.

Про себя он подумал: «А сколько еще нужно им?» – Пошли, – сказал он. – Спустимся вниз.

Глава десятая

(1)

Оказавшись внизу, Преподобный вскарабкался по каким-то ящикам к занавешенному окну и поднял занавеску. Как и на остальных окнах, здесь была решетка. Незаметно ускользнуть не удастся. Они оказались в ловушке, будто крысы на тонущем корабле.

Но во мгле забрезжил лучик надежды: небо начало розоветь, предвещая рассвет. Опустив занавеску, Преподобный слез вниз.

– Выйти отсюда мы сможем лишь той же дорогой, что вошли, – сказал он Дэвиду. – Но рассвет близко. Мы продержимся.

Он зарядил револьвер оставшимися в кармане патронами. Всего их оказалось пять.

– Одного не хватает для комплекта, – сказал он. – А у тебя?

– Пусто, – сказал Дэвид.

Преподобный протянул револьвер.

– Нет, – сказал Дэвид. – Пусть будет у тебя. Я справляюсь с дробовиком или пистолетом, когда стрелять в упор, но револьвер... куда мне до тебя. И, Преподобный, не дай им сделать это со мной – понимаешь?

Преподобный кивнул.

Дверь перестала сотрясаться.

– Ушли, что ли? – спросил Дэвид.

Преподобный посмотрел на занавеску. Со своего места он не мог судить о наступлении утра – был виден только свет оставленной лампы.

– Не думаю, – сказал он.

Тотчас раздался грохот, будто наступил конец света. Дверь треснула пополам, и сквозь щель вылезла верхушка громадного креста, который раньше висел на стене. Затем крест исчез из виду и вернулся с оглушительным треском. Дверь разлетелась – остался только небольшой кусок вместе с верхней петлей.

В проеме возник индеец с крестом в руках. От ладоней, сжимавших крест, вился белый дым; дымились даже сапоги при соприкосновении со священной землей.

Но с лица индейца не сходила улыбка. На плече его, точно жуткий попугай, непрестанно чирикающая, сидела маленькая девочка с куклой.

За индейцем и девочкой маячили мертвецы, облизывающие губы и нетерпеливо постанывающие. – Эти мои, – сказал индеец, и мертвецы отступили.

Индеец пристально посмотрел на Преподобного, как бы давая понять, что крест и церковь – не большая подмога.

– Привет из ада, проповедник. – С этими словами он швырнул в их сторону крест. Крест грянул об пол рядом с Преподобным, разнеся в щепки две последние ступени лестницы.

Пальнув навскидку девочке в лоб, Преподобный сбил ее с плеча индейца. Кукла закувыркалась по ступеням.

– Как благородно, – сказал индеец. – Спасти ребенка от преисподней. – И с расстановкой продолжил: – Но кто спасет тебя?

И стал медленно спускаться.

Дальнейшее происходило как в бреду, когда действуешь помимо воли.

Преподобный выстрелил индейцу в лоб. Пуля оставила отверстие, но индеец продолжал спускаться.

Взгляд выхватил паучье родимое пятно, и видение из его сна обрело реальность. В символическом смысле он будет съеден чудовищным пауком.

Преподобный не мог отвести взгляд от родимого пятна, ледяной кошмар вновь окутал его – черный перевозчик шестом толкал длинную лодку в разверстую пасть судьбы.

Тут его осенило – раз Господь явил зло образом из его сна, не открыл ли Он тем же и ахиллесову пятую зла.

Пуля пробила паукообразную отметину на груди индейца.

Но все напрасно. Индеец расхохотался.

Потом метнулся вперед с быстротой молнии. Громадная рука стиснула Преподобному горло, рывком подняла, оторвав от пола, чтобы заглянуть в глаза.

За мертвыми глазами индейца полыхали глаза демона, и Преподобному предстали отверстия от пуль в голове, остатки свинцовой картечи из дробовика Мэтта, отметина от веревки на шее и паучье вида отродье на груди, будто выползающее из темноты.

Он задыхался. Язык вывалился изо рта. Ноги дрыгались в воздухе. Револьвер в правой руке беспомощно болтался, задевая что-то в кармане сюртука.

ПОХОДНАЯ БИБЛИЯ.

Док говорил, священные предметы вкупе с верой противостоят злу. Перехватив револьвер левой рукой, Преподобный правой выдернул из кармана Библию и ткнул ею в лицо индейца, мысленно (ибо язык и дыхание иссякли) вознося мольбы Господу.

От контакта с лицом индейца Библия вспыхнула, опалив правую глазницу и выжигая ее содержимое.

Индеец зарычал и отдернул голову, при этом Библия, пролетев по комнате, ударилась о ящик и упала обуглившейся кучкой страниц.

Из пустой глазницы индейца вился дымок, сам он странно расслабился. Улыбнувшись Преподобному, произнес:

– Маленький, маленький человек.

Его челюсти стали раскрываться шире и шире.

Все длилось мгновения, и большую часть этого времени Дэвид стоял точно скованный, но сейчас, сбросив оцепенение, с налету протаранил ноги индейца.

Небрежно, будто собачонку, которая пристроилась к ноге, индеец свободной рукой отшвырнул его, так что Дэвид кувырком отлетел к ящикам.

Тут же вскочил и вытащил из кармана перочинный нож. Раскрыв лезвие, вновь кинулся вперед и вонзил его в ногу индейца.

На сей раз индеец хватил его с такой силой, что Дэвид впечатался в ящик, медленно стекая по краю.

Сознание покидало Преподобного. Он видел, как перед ним раскрывался громадный рот и вырастали немислимые зубы: зловонный дух смерти, поднимающийся из глотки, обволакивал его будто огромный ночной колпак.

Уже погружаясь во тьму, краем глаза он уловил слева крохотный солнечный луч, тонкий как игла – но луч света!

Едва ворочая головой, зажатой в чудовищной хватке, и скосив что было сил левый глаз, он разглядел веревку, удерживающую занавеску на окне.

Индеец был готов сомкнуть челюсти, когда левая рука Преподобного поднялась и прогремел выстрел – мимо, только зазвенело стекло, – следом второй, и пуля перебила веревку.

Тонкий клинок света ворвался и вырос, когда занавеска повисла сбоку, сделав черную комнату золотой.

Наверху лестницы зомби заверещали хором, свет окатил их не только снизу, из кладовки, но незаметно подобрался сзади. В истошной панике они заметались, ища убежища. Индейцу, чья голова склонилась для рокового укуса, свет ударил в лицо как дубиной. Он с воплем отшвырнул Преподобного, развернулся и огромными прыжками бросился вверх по лестнице. От его спины клубами валил черный дым.

– Преподобный, ты цел? – спросил Дэвид, помогая ему подняться.

– Вроде. Спасибо, что вмешался.

– Чего там. Вот это был выстрел!

– Точно, – сказал Преподобный. – Славный выстрел, а?

Он заткнул револьвер за кушак, и они медленно поднялись по ступеням.

Церковь была в огне. От солнца зомби вспыхивали, громоздясь на разбитые скамьи вдоль стен и распространяя пламя. В центральном проходе застыл индеец. Он тщетно пытался двинуться с места, его ноги плавились как восковые свечи, растекаясь в лужи вокруг сапог.

Индеец рухнул лицом вниз, раскинув руки.

Теперь церковь полыхала. Огонь взметнулся по стенам, достиг балок. Старая крыша угрожающе скрипела.

Дэвид и Преподобный бросились к выходу, перескочив через распростертое на полу тело индейца. Первым Преподобный. Дэвид вторым – и в этот миг рука индейца сграбастала его лодыжку, утанув на пол. На ходу обернувшись, Преподобный увидел: почерневшее, обугленное лицо индейца, разверстые челюсти, торчащие клыки – подобно чудовищной ящерице, индеец рванулся и вцепился Дэвиду в лицо.

Слишком поздно Преподобный прыгнул, пнув индейца в голову, которая рассыпалась, будто комок пепла, и зубы сгнившими леденцами просыпались в дымящиеся на окровавленном полу останки.

Едва собравшись с духом, Преподобный обернулся к Дэвиду, лицо которого перекосила гримаса ужаса. Он опустился рядом на колени.

– Плохо, – сказал Дэвид. – Мне конец. Убей меня.

Да, но где взять силы? Преподобному оставалось улучшить момент и раскроить череп мальчика рукояткой револьвера – только рука не поднималась.

Обхватив Дэвида за пояс, он потащил его наружу, мимо пылающих скамеек и костров из останков зомби. Когда они спускались по ступеням, огонь полностью поглотил церковь, язык пламени метнулся за ними сквозь двери, норовя ужалить в спину.

Преподобный уложил Дэвида на землю возле ящика с трупом жены индейца.

– Силы уходят, – сказал Дэвид.

– Я... мне так жаль.

По щекам мальчика на ворот рубашки струилась кровь.

Еще миг – и рана задушит Дэвида, а следом он восстанет. Вернее, оживет оболочка, перед тем бывшая Дэвидом. Голод начнет терзать ее, и она будет готова грызть плоть и разносить индейскую чуму. – Во имя Господа, Преподобный – Джеб, не дай этому совершиться! – простонал Дэвид.

«Во имя Господа», – думал Преподобный, не в силах шевельнуться, точно скованный стужей. «ВО ИМЯ ГОСПОДА!» Вот уж кто поживится от этой несчастной плоти. Он обратил все, к чему я прикоснулся, в гнилье и тлен. Зло побеждено, но это горькая победа.

– Прошу, – повторил Дэвид.

– Ладно, сынок, – сказал Преподобный, заново чуя ноги. И начал осматриваться в поисках чего-нибудь тяжелого и острого, чем довершить дело.

Но не успел.

Дэвид закрыл глаза – и его дыхание прервалось.

Преподобный отступил на шаг, не спуская глаз с тела и надеясь, что с гибелью индейца зараза отступила.

Глаза Дэвида широко открылись.

Преподобный выдернул из-за кушака разряженный револьвер. Чему быть – того не миновать.

Дэвид поджал ноги, поднялся. Но солнце обрушило на него свои лучи, и он тут же стал разлагаться. Взвизгнув, вспыхнул и упал.

(2)

Останки Дэвида Преподобный похоронил возле церкви, соорудив грубый крест из почерневших досок. Закрыв крышкой ящик с телом женщины, он обложил его сухими ветками и сжег дотла, а ветер разнес оставшийся пепел. После обошел вокруг, выпустив уцелевший скот, и, раздув головни с церковного пепелища, поджег город – на тот случай, если какой-нибудь упырь прчется в тени, дожидаясь заката.

Затем, оседлав кобылу и нагрузив прихваченные из лавки припасы, он выехал из Мад-Крика. С того самого холма, откуда впервые оглядел город, он смотрел на дымящиеся развалины и вспыхивающие тут и там языки пламени и думал об Эбби, Доке и Дэвиде. И о многих жизнях, буквально развеянных в дым после одного дикого случая в темную летнюю ночь.

Подумал он и о Боге, и о неисповедимых путях Его, пытаясь найти им объяснение, но напрасно.

Наконец Преподобный развернул лошадь, прищпорил ее и пропал среди высоких восточнотехасских сосен.

(3)

Преподобный, однако, не заметил, как большая, паучьего вида тварь – с виду точь-в-точь родимое пятно на груди индейца – выползла из тенистого укрытия под рухнувшей церковной балкой и неуклюже, испуская дым и маленькие искры, заковыляла к норе, некогда дававшей укрытие под церковью для зажиточной луговой собачки.

Тварь шмыгнула в нору, оставив за собой шлейф повисшего в воздухе черного дыма. Затем дым рассеялся, небо засияло и стало припекать.

Дорога Мертвеца

Вечернее солнце, сжавшись в кровавый комок, убралось за горизонт, и полная белая луна поднялась на небе, как громадный моток туго скрученного шпагата. Сидя в седле, Преподобный Джебидайя Мерсер наблюдал ее сияние над высокими соснами. Вокруг в мертвенно-черном небе раскаленными точками вспыхивали звезды.

Дорога, выбранная им, была узкой. Деревья по обеим сторонам подступали вплотную, словно закрывая путь и сразу норовя сомкнуться за его спиной. Измученная лошадь плелась понунив голову. да и сам Джебидайя так утомился, что бросил поводья и не собирался ее понукавать. Почти все мысли бежали из его усталой головы, кроме одной: он был вестником Господа, которого ненавидел от всего сердца.

Господь, разумеется, знал об этом, но эмоции были ему безразличны, раз Джебидайя оставался его вестником. Не из тех, кто чтит Новый Завет, а ветхозаветным – грубым, безжалостным и твердым, мстительным и не знающим сомнений – таким, кто мог бы прострелить ногу Моисею, плюнуть в лицо Святому Духу, снять с него скальп и бросить четверем диким ветрам.

Джебидайя был не прочь лишиться призвания вестника Господа, но коль обрел его через грехи свои, то, как ни старался забыть о нем, не преуспел. Он сознавал, что бежать от посланного Богом проклятия означало вечные адские муки, а продолжать свою миссию значило исполнять волю Божью, какие бы чувства ни питал он к своему господину. Его Господь был чужд прощения, равно как и любви. Его развлекали лишь покорность, рабство и унижение. Потому он и создал людей. Для забавы.

Пока он предавался раздумьям, дорога повернула и стала шире, открыв по одну сторону утыканную пнями прогалину с маленькой бревенчатой хижинкой и большим пристроенным сараем. Сквозь занавешенное дерюгой окошко подмигивал оранжевый огонек – заманчивый привет изнуренному путнику.

Остановившись в нескольких шагах, Джебидайя наклонился в седле и позвал:

– Эй, в хижине.

Немного подождя, он позвал опять и не успел закрыть рот, как дверь распахнулась, а высунувшийся коротышка в шляпе с широкими обвисшими полями и с ружьем в руках спросил:

– Кто там зовет? Голос у тебя как у лягушки-быка.

– Преподобный Джебидайя Мерсер.

– Ты не проповедовать приехал, а?

– Нет, сэр. Я убедился, в этом мало проку. Просто прошу приюта в вашем сарае, чтобы переночевать под крышей. И если что-нибудь найдется для лошади и для меня. С толикой воды все сгодится. – Да, – сказал коротышка, – похоже, здесь сегодня место сбора. Двое уже прибыли, и мы как раз сели подкрепиться. Еды всем хватит, если подойдут горячие бобы и черствый хлеб.

– Буду премного обязан, сэр, – сказал Джебидайя.

– Это сколько хочешь. Пока слезай с этой клячи, веди ее в сарай и приходи есть. Меня прозвали Хрыч, хоть я не такой уж старый. Просто зубы все выпали и хромаю на ногу, что лошадь отдала. В сарае, прямо за дверью, лампа. Зажи, а когда закончишь, погаси и возвращайся в дом.

Расседлав лошадь, засыпав ей зерна и напоив, Джебидайя зашел в хижину, где как бы ненароком откинул полы длинного черного сюртука, выставляя на обозрение убранные слоновой костью рукояти револьверов 44-го калибра. Рукояти выступали вперед, а кобуры висели

высоко у основания бедер – не так, как у хвастливых новичков. Джебидайя предпочитал, чтобы рука находила револьвер без лишних усилий. Когда он выхватывал оружие, движение было быстрым, словно мелькание крыльев колибри, большой палец тут же взводил курок и револьвер рывком, плюясь свинцом с поразительной меткостью. Он довольно практиковался, чтобы со ста шагов забить пробку в бутылку, даже в потемках. И сейчас показал, что готов дать отпор любому, кто решит застать его врасплох. Протянув руку, он сдвинул широкополую шляпу на затылок, открыв подернутые сединой черные волосы. Сдвинутая шляпа, полагал он, придает ему более будничного вида. Но ошибался. Глаза на хмуром лице по-прежнему пылали как угли.

Внутри хижины ярко освещалась чадающей керосиновой лампой, так что запах керосина сразу бил в нос, а завитки черного дыма свивались с серыми кольцами из трубки Хрыча и дымком сигареты молодого парня с приколотой на рубашке звездой. Позади, на пеньке для колки дров, рядом с очагом, слишком растопленным для этого времени года, где как раз разогревался горшок с бобами, устроился мужчина с небольшим брюшком и лицом, похоже на призванного служить мишенью для бросания в цель. Шляпа его была слегка сдвинута, локон мокрых пшеничных волос приклеился ко лбу. Во рту торчала сигарета, наполовину превратившаяся в пепел. Он пошевелился, и Джебидайя увидел наручники на его запястьях.

– Ты, слышал, назвался проповедником, – сказал человек в наручниках, пустив последнюю струю дыма в очаг. – Вот уж где забытые Богом края.

– Хуже того, – сказал Джебидайя. – Как раз их-то Бог и избрал.

Закованный громко фыркнул и ухмыльнулся.

– Проповедник, – молодой представился, – я Джим Тейлор. Помощник шерифа Спредли из Накочеса. Вот этого везу на суд и, надо думать, на виселицу. Прикончил одного беднягу за ружье и лошадь. У тебя, я заметил, револьверы. Старая, но добрая модель. Судя по тому, как ты их носишь, пускать в ход умеешь.

– Обычно попадаю в цель, – сказал Джебидайя, усаживаясь на шаткий стул перед столь же шатким столом. Хрыч расставил оловянные тарелки, почесал зад длинной деревянной ложкой, затем тряпкой ухватил из очага горячий горшок и поставил его на стол. Сняв крышку, он ложкой для чесания зада навалил в тарелки по горке бобов. Следом разлил из кувшина воду по деревянным чашкам.

– Так вот, – сказал помощник шерифа. – Мне пригодилась бы подмога. Я толком не сплю второй день и не знаю, смогу ли невредимым добраться до места с этим малым. Вот бы вы со Старым Хрычем покараулили за меня до утра? А может, и проводите меня завтра? Лишний ствол всегда пригодится. Шериф, наверное, дал бы каждому доллар.

Словно не услышав, Хрыч достал миску с плесневелыми сухарями и поставил на стол.

– На прошлой неделе испек. Слегка заплесневели – так это можно соскрести ножом. Но затвердели так, что хорошим броском уложишь на бегу цыпленка. Так что, значит, берегите зубы.

– Эдак ты свои порастерял, а, Хрыч? – спросил закованный.

– Может, пяток-другой, – сказал Хрыч.

– Так как, проповедник? – спросил помощник. – Позволишь мне поспать?

– Дело в том, что я сам нуждаюсь в отдыхе, – сказал Джебидайя. – Последние дни был сильно занят и, что называется, вымотался.

– Здесь, похоже, один я бодряком, – сказал закованный.

– Нет, и я вполне свежий, – сказал Хрыч.

– Стало быть, ты да я, Хрыч, – сказал закованный и нехорошо ухмыльнулся.

– Будешь рыпаться, приятель, я в тебе дырку сделаю, а Богу скажу, термиты прогрызли.

Закованный снова издевательски фыркнул. Он, как видно, наслаждался ситуацией.

– Мы с Хрычем можем караулить по очереди, – сказал Джебидайя. – Как, Хрыч?

– Пойдет, – сказал Хрыч и ляпнул бобы еще в одну тарелку. Он протянул еду закованному, а тот, принимая двумя руками тарелку, поинтересовался:

– И как же мне есть?

– Ртом. Лишней ложки нет. Не давать же тебе нож.

Помедлив, закованный ухмыльнулся и поднес тарелку ко рту, отхлебывая бобы через край. Опустив тарелку, он прожевал и заметил:

– С ложкой или нет – явно подгорели.

– Иди к столу, парень, – позвал Хрыч помощника шерифа. – У меня дробовик. Попробуй он что выкинуть, отправлю в очаг вместе с бобами.

Хрыч сел, уложив на колени дробовик, дулом в сторону пленника. За едой помощник шерифа рассказал о делах своего подопечного. Тот был убийцей женщин и детей, пристрелил пса и лошадь, просто ради забавы подстрелил на изгороди кота и поджег сортир с женщиной внутри. К тому же насиловал женщин, засунул в зад шерифу трость и в таком виде его прикончил, а еще подозревали, что погубил множество животных, доставлявших кому-то радость. В общем, был жесток и к людям, и к скотине. – Зверей никогда не любил, – заметил закованный. – От них блохи. А та тетка в сортире воняла, будто стадо свиней. Как не сжечь?

– Заткнись, – оборвал помощник. – Этот малый, – кивок в сторону пленника, – звать его Билл Барретт, и он самое худшее отребье. Тут что еще – я не просто недоспал, а чуток ранен. Поцапались мы с ним. Не подлови я его – теперь здесь не сидел бы. Пуля только бедро расцарапала. Пришлось здорово повозиться: с десятков раз вмазал ему револьвером по башке, пока не уложил. Рана пустяковая, но кровь пару дней не унималась. И я ослаб. Так что, Преподобный, был бы рад твоей компании.

– Я обдумую, – сказал Джебидайя. – Но вообще у меня свои дела.

– Но тут, кроме нас, и проповедовать некому, – сказал помощник.

– И не вздумай начинать, – сказал Хрыч. – При одной мысли о тех Христовых чудачествах у меня задница ноет. От проповедей хочется убить проповедника и самому зарезаться. На проповеди сидеть – все равно что голым задом в муравейнике.

– На данном этапе жизни, – сказал Джебидайя, – не стану спорить.

После этих слов повисла тишина, и помощник переключился на Хрыча.

– Как побыстрее добраться в Накодочес?

– Ну, значит, – ответил тот, – езжай дальше той же дорогой, что приехал. Миль через тридцать будет развилка, где повернешь налево. А там выедешь напрямик к Накодочесу, еще миль десять, только в самом конце нужно не пропустить поворот. Неприметный такой, и не вспомнишь, если сам не увидишь. Вся дорога, если не торопясь, займет пару деньков. – Мог бы с нами поехать, – сказал помощник. – Чтоб уж точно не заблудиться.

– Мог бы, да не поеду, – сказал Хрыч. – Верхом-то я уж не тот. Яйца ломит от долгой скачки. В последний раз посидел в седле, корячился потом над кастрюлей с соленой теплой водой. Час, не меньше, отмачивал муди, пока не смог в штаны влезть.

– Мне от болтовни твоей яйца ломит, – сказал пленник. – Впрочем, с распухшими мудями ты хоть раз на мужика стал похож, старый пердун. Так и ходил бы дальше.

Хрыч взвел курки дробовика.

– Как бы не пальнуть ненароком.

Билл только ухмыльнулся и откинулся, прислонившись к очагу. В тот же миг его швырнуло вперед, и Хрыч чуть было не разворотил его пополам, но опомнился.

– Верно, – сказал он. – Там горячо. Оттого и зовется очагом.

Билл устроился так, чтобы не обжечься о камни. Он с чувством сказал:

– Я отрежу помощнику его хрен, вернусь и заставлю тебя пожарить и съесть.

– Обделаешься, – ответил Хрыч. – Вот и все, что ты сможешь.

Когда страсти улеглись, помощник вновь обратился к Хрычу:

– Покороче дороги нет?

Тот чуть помедлил с ответом.

– Есть, да вряд ли вам сгодится.

– Это как понимать? – спросил помощник.

Не спуская глаз с Билла, Хрыч с недоброй улыбкой медленно опустил курки. Потом обернулся к помощнику.

– Есть еще дорога Мертвеца.

– Что с ней не так? – спросил помощник.

– Много чего. Поначалу звалась Кладбищенской дорогой, но года два как название поменялось.

В Джебидае проснулось любопытство.

– Расскажи о ней, Хрыч.

– Не то чтобы я верил во всякий вздор, но историю об этой дороге я узнал, можно сказать, из первых рук.

– Ого, байка с привидениями, – сказал Билл.

– Постой, сколько мы выиграем, если срежем по ней путь в Накодочес? – спросил помощник.

– Примерно день.

– Черт. Тогда мне ехать как раз по ней.

– Поворот туда недалеко отсюда, но я бы не советовал, – сказал Хрыч. – Я в Иисуса не очень верю, а вот в разных призраках или вроде них... Поживешь в такой глуши – много чего увидишь. Боги есть разные, и такие, что ни к Иисусу, ни к Моисею никаким боком. Старые боги. О них болтают индейцы.

– Не боюсь я никаких индейских богов, – сказал помощник.

– Может, и так, – заметил Хрыч, – только сами индейцы тех богов не слишком привечают. Они старше всего индейского племени. Индейцы стараются с ними не связываться. Якшаются со своими собственными.

– Чем же та дорога отличается от прочих? – спросил Джебидайя. – И при чем тут древние боги?

Хрыч усмехнулся.

– А, Преподобный, захотелось испытать себя? Доказать, что твой Бог сильнее? Не будь ты проповедник, из тебя вышел бы хороший стрелок. Или ты как раз такой – проповедник-стрелок.

– Бог для меня не так много значит, – сказал Джебидайя, – но у меня есть миссия. Искоренять зло. Все, что видится злом моему Богу. И если те боги сиречь зло да на моем пути – я должен сразиться с ними.

– Вот уж где зло, не прогадаешь, – сказал Хрыч.

– Так расскажи о них, – повторил Джебидайя.

– Гил Гимет был пасечником, – приступил к рассказу Хрыч. – Гнал мед, а жил на обочине дороги Мертвеца, тогда еще Кладбищенской. Значит, что вела мимо кладбища. Старого, там еще испанские могилы – поговаривали, конкистадоры забрались в эти края, но не смогли выбраться. И нескольких индейцев там схоронили, вроде из первых принявших христианство. Ну там, плиты, кресты с индейскими именами – все как положено. Или имена смешанные. В этих местах такое не редкость. В общем, хоронили там кого попало. Земле все едино, какого ты цвета, потом всем суждено стать цвета грязи.

– Черт, – сказал Билл. – Сам ты давно стал цвета грязи. А уж смердишь, как самая тухлая грязь. – Ты, мистер, вякнешь еще слово, – сказал Хрыч, – и задницу тебе будет подтирать

гробовщик. – Он снова взвел курки дробовика. – Ружье может случайно выстрелить. Всякое бывает, а кто потом будет спорить?

– Уж не я, – сказал помощник. – По мне, Билл, куда проще, если ты труп.

Билл уставился на Преподобного.

– Ага, да вот Преподобный вряд ли такое одобрит, а, Преподобный?

– Честно говоря, мне все равно. Я не миротворец и не привык прощать, пусть даже то, что ты сделал, меня не коснулось. Думаю, мы все давно и прочно погрязли в грехе. Видно, никто из нас не заслужил прощения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.